

Магсуд Ибрагимбеков

ПРИЛЕТАЛА СОВА

Теперь скрипит, проклятая! И до чего противно скрипит, сил никаких нет слушать. То стонала и ухала, так что меня спросонок мороз по коже продрал, а теперь скрипит. Скрипит и щелкает. На инжирном дереве сидит, что за оградой, а слышно так, как будто она где-то совсем рядом в доме. Если не прогнать, до утра не остановится. До чего встать и выходить неохота. И чего она сюда повадилась каждую ночь прилетать, других деревьев ей мало в Гаялах? Вот этот камень подходящий. Посмотрим, как теперь запоеет! Эх! Чуть-чуть ведь не попал, совсем рядом с ней по ветке стукнулся. Аж зашипела от страха. Сразу же поднялась и рванула в сторону. Она, наверное, серая, а в свете луны она кажется светлой-светлой. Куда она полетела, интересно?

И не только сова, виноградные лозы и тутовые деревья, даже желтые камни забора и скалы внизу над морем казались белыми. Если бы не сова, то в эту ночь вокруг было бы очень тихо, это мне сразу стало ясно, как только она улетела. Даже сверчки молчали. За спиной у меня дверь скрипнула.

- Ты чего не спишь?

- Сову прогонял. Опять прилетела.

- Не к добру это, - вздохнула бабушка. - Дай бог беды миновать.

- Дядя Кямил в субботу приедет и пристрелит ее, никакой тогда беды и не будет. Я его попрошу.

- И думать не смей. Нельзя сов убивать, - сказала бабушка. - Грех это.

- А какая беда может быть от того, что она прилетает?

- Только у меня и дел, ночью о совах с тобой разговаривать. Иди спать, не проснешься ведь утром.

- А завтра скажешь?

- Скажу, скажу. Спи. Половина третьего уже...

Спать мне совсем не хочется, вот ведь в чем дело. Да и стоит ли ложиться, если через полтора часа мне надо встать. Мы уже договорились с Васифом завтра пойти ловить рыбу, в половине шестого на берегу должны встретиться... Придется все-таки лечь, бабушка все равно не успокоится, пока не увидит, что я заснул... Не забыть бы утром спросить у нее, почему это быть беде, если ночью сова прилетает.

Бабушка моя все приметы знает, какие только есть на свете. Это потому, что она верующая и старенькая.

Утром я уже выходил, когда она меня остановила. Молча подошла ко мне и отобрала удочку и ведро.

- Я не хочу есть.

- А я разве спрашиваю?

И когда она успела молоко подогреть? Иногда мне кажется, что она вообще не спит, а так, дремлет и при малейшем шуме просыпается.

- А ты обещала рассказать, почему это плохо, если сова по ночам начинает прилетать?

- Да уж хорошего мало. Эта примета верная - умрет кто-нибудь или заболит. А эта последнюю неделю ни одной ночи не пропускает.

Ну, уж если моя бабушка что-то говорит, то уж она в это верит. То-то она и вчера и ночью такая грустная была. Она, конечно, теперь и не сомневается, что кто-то у нас дома умрет или заболит. Кто-то из нас двоих. Я посмотрел на ее расстроенное лицо и даже про рыбалку забыл, до того мне ее жалко стало. Она ведь понимает, что я не умру, а раз не я... что же получается? И нужно же было, чтобы проклятая сова прилетала именно на это дерево.

- Это сплошное суеверие, - сказал я.

- Вот и прекрасно, - сразу же согласилась бабушка. - А ты иди, тебя же ждут.

- А мне уже и идти расхотелось, - сказал я. - Нет, ты только подумай, ты же умный человек - из-за какой-то паршивой совы, понимаешь, птицы, может умереть человек. Это же курам на смех!

Тут она перестала убирать со стола и стала меня разглядывать. Если бы на меня кто-нибудь другой так посмотрел, я бы обиделся, а тут и сделать ничего нельзя, если смотрит на тебя с насмешкой твоя родная бабка.

- Умник! - сказала она. - Ах, какой ты умник, смотреть приятно! Это я суеверная! Три года назад твой отец тоже говорил, что я суеверная, когда к дому Шахлар-бека повадилась каждую ночь сова прилетать.

- Так он же больной был и совсем старый, - сказал я и сразу же пожалел, что сказал так.

- Ну и что же, что старый... И не такие старые живут. Шахлар-бек еще, может быть, несколько лет прожил бы. Его мать Гамэр-ханум на десять лет старше его была, когда умерла.

Что правда, то правда - за несколько дней до его смерти к ним сова по ночам повадилась. Ну и что? Для меня, например, это не доказательство. Ведь Шахлар-бек был очень старый, к нему каждую неделю приезжал из города врач, специально для того, чтобы проверить, как он себя чувствует. Во-первых, потому, что Шахлар-бек официально считался долгожителем, а все долгожители в Азербайджане взяты на учет, а во-вторых, потому, что он получал персональную пенсию, ему ее дали за то, что он бывший революционер. Он с утра до поздней ночи сидел в кресле на балконе своего дома, сам до того маленький, что

почти целиком умещался в нем, и голова у него была седая, и бородка. Он всегда всем приветливо улыбался - и знакомым и незнакомым, кто мимо его дома проходил. Его все соседи в округе уважали и, по-моему, гордились, что он здесь живет. Я его, честно говоря, раньше побаивался, наверное, из-за того, что он часто сердился и тогда начинал кричать громким сердитым голосом на дочь и на двух своих сыновей. Обычно он на них кричал во время игры - он с ними то в карты играл, то в нарды. Я ни одного вечера и не припомню, чтобы у них во что-нибудь не играли бы. Часто приезжали из города оба его сына с приятелями - все пожилые люди, и с вечера усаживались за стол - за карты или в нарды на двух досках сразу. Он и в те редкие дни, когда никто не приезжал, обходился своими силами - играл с женой Марьям-ханум и дочерью Зарифой, старой девой. Шахлар-бек и мне всегда улыбался, когда я к ним приходил. Сразу же спрашивал у меня, как в школе дела, расспрашивал, что на пляже делается или в селенье - очень он был любопытный. Видно было, что он не из-за приличий со мной разговаривает, а потому что ему и вправду интересно. Я запомнил тот вечер, когда я его в последний раз видел. Он, как всегда сидел в кресле. На столе было для него накрыто, но он не ел. Сидел и о чем-то думал. Сперва пригласил меня к столу, но я отказался, потому что пообедал полчаса назад, а потом спросил:

- Как, по-твоему, почему это создание отказывается от еды? - и показал мне на кошку Пакизу, которая сидела на полу перед миской с едой и, вместо того чтобы есть, смотрела неотрывно на Шахлар-бека и время от времени протяжно мяукала. - Кошка с утра ничего не ела. Значит, ей не нравится еда, - сказал он, не дожидаясь моего ответа. - Зарифа! Зарифа! - вдруг закричал он. - Что ты налила такого в миску кошке, что она отказывается есть?

- То же самое, что и нам, пити, - сказала дочь, появляясь в дверях. - Суп, и накрошила в него мяса и хлеба.

- Непонятно, - он прикрикнул на кошку: - Ешь! Наверное, думает, что ее обманывают, - сказал он, не то обращаясь ко мне, не то просто подумал вслух, потом кряхтя встал, взял свою тарелку с супом и подошел к Пакизе, с трудом наклонился с тарелкой к ней, так и казалось, что вот-вот расплещет суп, и сказал: - Посмотри, у меня в тарелке то же самое, что у тебя. Смотри!

Пакиза медленно, отошла от него, у лестницы оглянулась и спустилась в сад.

- Вот, - сказал ей вслед с сожалением Шахлар-бек. - Кошка. Что с нее взять? Была бы собакой, вела б себя по-другому.

Зарифа отобрала у него тарелку и поставила на прежнее место. Он медленно вернулся и сел в кресло.

- Слушай, - вдруг спросил он меня, - ты в бильярд играть умеешь? Ничего, научись, - сказал он, услышав, что я не играю. - Вот странно как, удивленно сказал он, - сидят два человека - один уже кончил играть в бильярд, а другой еще не начал. Тебе не странно?

Он и в тот последний вечер после моего ухода играл в карты - один на один с дочерью. Они еще не кончили играть, когда прилетела сова и начала стонать... Может быть, это была та же самая сова, что теперь к нам повадилась.

Похоронили его здесь, на кладбище в Гаялах. На его похороны столько народу собралось, что можно было подумать, что весь Баку съехался в Гаялы. Никто, кроме Зарифы, не плакал, даже сыновья, но было по-настоящему грустно, хоть все собравшиеся и улыбались, когда на поминках начали рассказывать всякие интересные истории, в свое время приключившиеся с Шахлар-беком. Мне особенно одна история понравилась, ее рассказал старый седой человек, один из тех, кто приезжал к Шахлар-беку играть в карты.

Оказывается, Шахлар-бек был по профессии межевым инженером, я и не знал до этого, что есть такая профессия, он такое образование получил в Петербурге и после окончания института до революции работал в Баку в губернском управлении, в здании, где сейчас Баксовет. Он был очень старательный и добросовестный работник, но нуждался, потому что семья у него была очень большая, а зарабатывал он один. Губернатор Баку, который очень хорошо относился к Шахлар-беку, однажды вызвал его к себе в кабинет и сказал:

- Дорогой Шахлар-бек, я знаю, что вы постоянно испытываете нужду в деньгах, и хочу вам кое-что предложить.

- Очень признателен вашему превосходительству за заботу, - ответил сразу же обрадовавшийся Шахлар-бек.

- И поэтому хочу назначить вас межевым инспектором всего нефтеносного района от Баилова до Черного города, - сказал губернатор.

- Позвольте, - удивился Шахлар-бек, - но ведь жалованье инспектора гораздо меньше того, что я получаю здесь, в мэрии?

Губернатор, улыбаясь, смотрел на него. Тогда Шахлар-бек сильно побледнел и сказал:

- Вы меня оскорбляете, ваше превосходительство.

- Вы, кажется, думаете, что вы более щепетильный человек, чем я? Ну что же. - Губернатор очень обиделся на Шахлар-бека, и тому через некоторое время пришлось уйти со службы.

Я не понимал, почему они обиделись друг на друга - губернатор и Шахлар-бек, пока папа не объяснил мне, что до революции должность межевого инспектора нефтеносных участков считалась очень доходной и все ее добивались, потому что от него зависело, где пройдет граница между новыми участками.

Все нефтяные миллионеры, на то они и капиталисты, изо всех сил старались уложить межевого инспектора деньгами или другими способами, и по тем временам это не считалось взяткой. Но, видно, все-таки считалось, если Шахлар-бек отказался.

После его смерти на даче осталась жить его дочь. Ей было лет тридцать, на вид даже больше, она была очень худая и лицо все в морщинах. Все мечтала замуж выйти - часто прибегала к нам и шепталась с бабушкой, советовалась.

Я взял ведро с удочкой и пошел к двери. Все ясно, теперь она будет думать, что сова специально из-за нее прилетает. Еще возьмет и помрет... И тут меня осенило.

- Ладно, - сказал я. - Этот факт со смертью Шахлар бека меня убедил...

- Факт, - сказала бабушка, - и без твоего факта все знают, что если сова начала летать, то добра не жди.

- Но есть и другой факт, - сказал я. - Ведь эта сова всегда садится на инжирное дерево за забором. Верно? А там не наш участок. За забором-то дача дяди Кямила. Значит, к нам ее прилеты не относятся. И ни с кем в нашем доме ничего не случится. Правильно?

Она не ответила, только рукой махнула и пошла с посудой к колодцу.

Из-за того, что я так торопился, пришлось лезть через забор дачи Рашида так гораздо ближе до берега. Камни были холодные и мокрые от росы. И штаны сразу намокли и рубаха. Ничего себе утро началось! А я-то думал, что раньше всех проснулся, - Рашид уже стоит на балконе своего дома и беседует со своим приятелем, кажется, с тем, у которого голубые "Жигули". Так и есть - вон и машина его стоит. У Рашида много знакомых, и они его здесь часто навещают. Он говорит, что для него самая большая радость, когда дверь его дома открывают друзья.

И вообще, он говорит, что дружба в жизни человеку здорово помогает. Вот он, например, всего в жизни своими руками добился - высшее образование получил, о том, что у него и у его жены Адели высшее образование, Рашид уже всем соседям рассказал; как познакомится, сразу же об этом рассказывает; из небольшого районного центра в Баку переехал жить в трехкомнатную квартиру в центре; на работу ответственную устроился в Министерстве социального обеспечения, такая работа, что от него многое зависит, чтобы хорошим людям хорошее сделать, квартиру получил, женой обзавелся, детьми, всего, говорит, сам добился. Но, по словам Рашида, и друзья в жизни не последнее дело - и советом помогут, и добрым словом поддержат. И он для них всегда полезным быть старался.

Рашид очень приветливый человек, первое время в Гаялах все удивлялись такой его вежливости, но потом привыкли, а некоторые, я заметил, стали тоже гораздо вежливее и приветливее.

Вот и сейчас, сразу же после того, как со мной поздоровался, и о здоровье бабушки расспросил, и удачи на рыбной ловле пожелал, хотя по лицу его приятеля было видно, что из-за меня у них прервался разговор, может быть, на самом интересном месте. Этот приятель в Гаялах тоже недавно появился - год назад купил дачу на другом конце поселка.

Рашид с женой живет очень дружно, хотя они по характеру очень разные, никогда они не ссорятся и даже на людях называют друг друга ласковыми прозвищами. Его жену часто вызывают делать уколы, и она никогда не отказывается, даже если ее вызывают ночью, говорит, его ее врачебный долг. Благодаря жене Рашида лично мне точно известно, кто самые неблагодарные или подлые люди в Гаялах - это все те, кому она постоянно делает уколы. До того, как я не наслушался от нее всех этих разговоров, я даже представить себе не мог, что по голому заду человека можно о нем столько узнать плохого. Любой другой на ее месте, сколько бы ему ни платили за это, прекратил бы ходить по домам и делать уколы, но жена Рашида, по-моему, приучила себя не обращать внимания на неблагодарность людей из-за врачебного долга, она говорит, что для нее этот долг - очень серьезное дело, А Рашид говорит про нее, что она святая женщина, и каждый раз она при этом краснеет, и смущается, и просит его больше так не называть... А домик дяди Кямила совсем обветшал. Даже, несмотря на туман, видно, что лестница совсем уже развалилась и вся поросла травой. Дача у него хорошая, и виноградных лоз много, в все они плодоносят, и деревьев инжирных штук восемь, я даже гранатовые есть, а вот дом никуда уже не годится, хорошо еще, что крыша не протекает. Дядя Кямил все собирается заняться домом, но каждую весну оказывается, что у него нет времени. Рашид раз или два предлагал дяде Кямилу помочь привести дом и дачу в порядок, говорит, мне это ничего ее стоит, все равно ведь будет у меня ремонт, я вам лишний гвоздик забьют, но тот отказался. Поблагодарил Рашида и сказал, что выберет время и сам займется. Я бы на месте дяди Кямила не отказался бы от его помощи, Рашид многим нашим соседям помогает, просто так, не за деньги или же, скажем, в обмен на что-нибудь, а просто так, по-соседски, он так и говорит - от чистого сердца.

Мамеду, например, за свою цену, без всякой приплаты он и насос электрический достал для колодца, какой-то особый насос, Мамед его несколько лет нигде не мог купить; другим соседям помог вне очереди "Москвич" купить. Говорит, что у него везде есть хорошие друзья. Они из уважения к Рашиду любят помогать честным людям, которым трудно что-то достать из-за своего прямого, нехитрого характера.

Рашид, может быть, предлагает отремонтировать дом дяди Кямила еще потому, что ему неприятно смотреть на чужие запущенные дачи. Сам он за своим участком здорово следит - все лозы высажены в ряд, инжирные и тутовые деревья тоже все аккуратно обрезаны, раньше в Гаялах никто их не обрезал, росли себе деревья как хотели, а Рашид, как только появился здесь, пригласил агронома и садовника, и они все его хозяйство привели в порядок.

Еще он посадил на своем участке перед домом голубой кипарис, пол-Гаял пришли посмотреть на него, все смотрели, и удивлялись и говорили, что он ни за что не примется, мол, земля здесь неподходящая. Кипарис в том году принялся, только пользы от этого оказалось мало. Наверно, это был какой-то особый кипарис, потому что на него стали слетаться мухи со всех концов побережья. В каком-то смысле это был очень полезный кипарис - из-за него в округе не осталось ни одной мухи - все собирались на него. Подходишь к дереву, а оно жужжит - все ветки снизу доверху слоем мух покрыты, ни коры не видно, ни зелени. И ничего не помогало. Через два дня после очередного опрыскивания мухи снова собирались. Видно, они прилетали из очень далеких краев, потому что я лично

в последнее время ни на пляже, ни дома ни одной мухи уже не встречал. Зато дохлых везде сколько хочешь, а уж в доме Рашида шагу ступить из-за них нельзя было.

Пришлось кипарис срубить. Все, кроме Рашида, о нем жалели, потому что теперь в Гаялах опять появились мухи, немного, столько же, сколько раньше, но все-таки появились.

Дядя Кямил, когда узнал, что кипарис срублен, сказал Рашиду, что тот совершил, стоя на самом пороге научного открытия, роковую ошибку, он на месте Рашида попытался бы определить, в чем особенность этого удивительного кипариса, и сообщил об этом в научные журналы. Может быть, благодаря подобным кипарисам удалось бы избавить человечество от мух.

Рашид его слушал внимательно, и чувствовалось, что он поверил и жалеет о том, что поступил так необдуманно. До тех пор, пока дядя Кямил не сказал вслед за этим, что если бы Рашидово открытие состоялось, то впоследствии эти кипарисы высадили бы в шахматном порядке по всей стране, вроде мушиных маяков, а Рашиду по законам авторского права выплачивали бы доход - по его выбору процент с каждого кипариса или с каждой тысячи погибших мух. Тут Рашид хмыкнул, понял, что дядя Кямил шутит, и сказал, что бог с ними, с доходами, всех денег все равно не заработаешь, а ему вполне хватает тех, что он зарабатывает своим горбом. Я думал, он обидится, бывают же люди, которые обижаются на самые безобидные шутки, но Рашид ни чуточки не обиделся.

Он, после того как поселился здесь, не только дачу, он и дом в порядок привел, крышу новую поставил, лестницу. Забор тоже отремонтировал, он местами повалился. В один день привезли камень и цемент и навели полный порядок. Теперь забор как новый стоит, но не покрашенный, - Рашид сказал, что он не скупой, но бросать на ветер у него денег нет, тратиться на забор, который только и виден, что с дороги, - глупость и безобразие.

Он и вправду нескупой, дома у него все есть - и большой холодильник, и мебель хорошая, даже непохожа на дачную, вместо душевой он установил ванну, и телевизор у него цветной. У нас в доме, например, пол деревянный, а на кухне цементный. Рашид сказал, что от цементного пола можно заболеть ревматизмом даже летом, и покрыл его в своей кухне линолеумом, а в комнатах выложил паркет. Что мне нравится у них, так это книги, весь дом полон книг. Рашид почти каждую неделю из города привозит. Он почти на все издания подписан, какие только есть, начиная от Всемирной библиотеки и кончая подписками "Огонька" - Драйзером и О'Генри.

Не пойму только, откуда у него столько времени берется а очереди стоять. Мы как-то с папой пошли и записались в очередь - три дня ходили отмечались, а потом в воскресенье все утро и полдня простояли, прежде чем нам наконец выписали квитанцию. Я раньше часто брал у них книги. Рашид мне сам предложил, книги, говорит, для того, чтобы их читали, бери и возвращай когда хочешь. Один раз, когда я вернул две книги, Рашид взял их

у меня, повертел в руках и сказал: "Значит, ты за неделю прочитал две такие толстые книги?" - и улыбнулся при этом недоверчиво. Я говорю, конечно, прочитал, хотите, содержание расскажу. Он улыбаться сразу же перестал и говорит: "Не надо рассказывать, я тебе верю, ты не такой мальчик, чтобы обманывать. Молодец, быстро читаешь". Они переглянулись при этом - Рашид и Аделя, только мне непонятно было, чего это они переглядываются.

Надо было все-таки надеть брюки, неприятно, когда холодные, мокрые лозы бьют по ногам. Туман сегодня выдающийся, летом в Гаялах туманы вообще редко бывают, а такого, чтобы с этого места нашего дома не было видно, я и не припомню. А у дяди Кямила дверь приоткрыта. Он никогда ее не запирает, когда уезжает. Я у него как-то спросил, разве ему не жалко будет, если украдут его пишущую машинку или ружье. Он усмехнулся и сказал, что уж если вдобавок ко всему и машинку украдут, то ему даже интересно будет поглядеть на такое неслыханное невезение. Честно говоря, хоть все вокруг и запирают двери на всякие сложные замки, я ни разу не слышал, чтобы у нас по соседству кого-нибудь обокрали. Я ведь сюда каждое лето приезжаю, чуть ли не с того самого первого лета, когда родился. И соседи у нас с тех пор все те же. Новых не появлялось. Кроме Рашида - два года назад. После смерти Шахлар-бека.

На даче тогда осталась жить одна Зарифа. Другие дети Шахлар-бека ни разу с тех пор не приезжали. Или заняты были очень, а может быть, у них были дачи где-нибудь в другом месте. А может быть, им и неинтересно было с Зарифой разговаривать, она им хоть и сестра, но сводная. Зарифа родилась от второй жены Шахлар-бека Марьям-ханум, когда ему было семьдесят лет. Зарифа очень добрая была, говорят, старые девы злые, я на этот счет ничего сказать не могу, кроме Зарифы я ни с одной старой девой знаком не был. Зарифа была доброй и приветливой, это уж точно. И улыбалась она всегда виноватой улыбкой, как будто разговаривает и вместе с тем за что-то извиняется, а за что - неизвестно. Я, например, при ней никогда не чувствовал, что она намного старше меня, - она со мной всегда разговаривала так же, как со всеми другими своими знакомыми, никакой разницы не делала. И даже наоборот - однажды я почувствовал, что я намного - не то что старше, а сильнее ее. Это после случая с кроликом. У меня кролик был - по кличке Аспарухов, его так еще прежде звали, до того, как он мне достался. Вагиф Мамедов из четвертого, когда мы менялись, сказал, что кролика так назвали в честь какого-то известного футболиста. Я Вагифу за Аспарухова дал большой обломок горного хрусталя размером с килограммовую банку, его мне родители привезли, а через два дня деревянный футляр из-под сигары, вроде пенала, только чуть поменьше. Пенал я дал позже, потому что проверял, правду ли сказал Вагиф насчет того, что этот удивительный Кролик самостоятельно ходит в туалет и по-большому и по-маленькому. Оказалось, что Вагиф правду сказал - кролику ничего и показывать не пришлось - он сам отыскал в нашей квартире туалет и с тех пор ни разу не забыл туда зайти. Я никому не рассказываю о том, что он такой способный, потому что никто мне не верит. Единственный недостаток у него - чересчур он трусливый. Даже меня боится, самого близкого для него человека. Я думал, что он после переезда на дачу изменится - все-таки природа, но все осталось по-прежнему. Днем он по углам прятался и

только ночью выходил погулять, съесть свои овощи, которые мы ему вставляли в тарелке на балконе. Он потом изменился здорово, после того случая, в котором я хочу рассказать. Мы в тот день с бабушкой и Зарифой собирали виноград. Зарифа собирала а рассказывала бабушке, что какие-то люди ей недавно предложили продать дачу и что сегодня они придут за ответом, а она не знает, что делать, с одной стороны, не хочется - как-то боязно вдруг взять и продать, а с другой, может быть, и надо согласиться, потому что после смерти отца ей здесь часто, особенно

по ночам, бывает тоскливо, да и деньги пригодятся. Бабушка ей советовала не торопиться и, самое главное, разузнать сперва, что это за покупатели такие, можно и на жуликов нарваться. Зарифа сказала, что ничего не решит, пока не познакомит этих покупателей с бабушкой и не узнает ее мнения. Потом она пошла в дом опорожнить корзину и задержалась там. Я в это время собирал виноград с лоз, что растут у самого дома, и вдруг услышал, что из окна кухни доносятся какие-то странные звуки. Похоже было, что там кто-то всхлипывает, раза два всхлипнет, а потом начинает пищать тонким голосом. Я сразу же бросился в дом. Дверь в кухню была открыта. Прямо посередине ее на табурете стояла Зарифа, это она всхлипывала и со страхом смотрела на пол. А там с ужасно наглым выражением на морде разгуливал Аспарухов. Он ходил кругом табурета и поглядывал с этим наглым выражением на ноги Зарифы, время от времени он поднимался столбиком и принохивался к ним, тут она сразу же начинала пищать. И вдруг он обернулся и увидел меня. Я понимаю, что кролики не могут стесняться, но этот, как меня увидел, сразу же застеснялся, по морде было видно, и забежал под шкаф. Зарифа прямо с табурета бросилась ко мне - вот тогда-то я почувствовал, что я кое в чем гораздо смелее¹ чем она. Самое интересное, что с того самого дня Аспарухов меня уже не боится и даже не убегает, когда я подхожу к "ему для того, чтобы взять на руки.

В этот день вечером мы в первый раз увидели Аделю и Рашида. Они бабушке очень понравились, а она в людях разбирается, это все знают. Рашид перед отъездом оставил Зарифе пакет с деньгами. Сказал, что он ей полностью доверяет и пусть деньги останутся у нее до того времени, как она даст окончательный ответ. Он и в отношении оформления дачи всех успокоил - и бабушку и Зарифу, сказал, что у него в управлении дачным хозяйством есть знакомство, но дело даже не в знакомстве, любой честный человек разрешит семье Рашида купить дачу, которая необходима ему для того, чтобы его дети выросли крепкими, здоровыми людьми.

После его отъезда Зарифа и бабушка пересчитали деньги - их оказалось даже больше, чем они ожидали.

По-моему, Рашид бабушке понравился еще больше в тот день, когда переезжала Зарифа. Мало того, что Рашид с Аделью явились рано утром на грузовике, он еще сам помогал шоферу погрузить вещи Зарифы и заплатил шоферу вперед за то, что он перевозит Зарифины вещи. На прощанье он сказал ей, что она может считать по-прежнему дачу своей, в любой день, когда она захочет, здесь ей будет обеспечен теплый прием и отдельная

комната. При этих его словах все прослезилась - бабушка, Зарифа, Аделя и Рашид, словом, все, кроме шофера и меня.

А когда мы узнали через месяц, что Зарифа на удивление всем вышла замуж, бабушка сказала, что вся эта история с продажей пошла всем на пользу, а это может означать только одно, что бабушка в людях разбирается - Рашид и впрямь человек благородный и порядочный. С тех пор прошло два года, но кажется, что Рашид живет здесь очень давно, до того все к нему в Гаялах привыкли.

Даже завидно бывает, когда после каникул ребята рассказывают, кто где за лето побывал. Интересно. Живут люди! Только я один ничего не рассказываю, нечего, каждый год одно и то же, все лето в Гаялах. Одни и те же соседи, бабушка и я. Хорошо хоть папа обещал на следующий год взять с собой в геологоразведочную партию в горы. В этом году не согласился - мал еще, говорит. Как будто за один год что-то во мне изменится... Хотя может быть. Люди с возрастом здорово меняются, вот, например, моя бабушка, как постарела, стала в разные приметы верить, боится всего, неужели все становятся такими, когда стареют? Интересно, каким я буду.

Ну и туман, моря отсюда не видно, вот это да! С этой скалы до него метров пятнадцать - не больше, я точно знаю, а сегодня, кроме клубов белого пара, ничего не видно. Васиф, наверное, уже злится из-за того, что я опаздываю. Сидит сейчас на скале и ждет меня, один ни за что не начнет удить. У нас есть еще один приятель, Акиф. Только его еще нет. Он дней через десять приедет. Мы все время почти здесь втроем проводим, никого больше в компанию не принимаем. Васиф называет нас "три мушкетера". Книга ему очень понравилась, в этом году я ему дал, до того, что он ее два раза перечел, но все равно говорит "мушкетеры", сколько его ни поправляй. Еще он вместо "газета" говорит "газэта". Мы с Акифом его сперва поправляли каждый раз, а потом махнули рукой - мушкетеры так мушкетеры... Даже отсюда моря не видно. Только рокот слышен да стук мотора. Это уж как пить дать или браконьеры, или лодка инспектора. Никакой другой нормальный человек в такую погоду в море не выйдет. А для браконьеров в такой туман самое раздолье. В этих местах на берег часто волной выбрасывает осетров со вспоротым брюхом. Это значит, браконьеры икру вынули, она дорого стоит, а рыбу, чтобы она лишнего места в лодке не занимала, выбрасывают. Столько рыбы зря пропадает. А вот и Васиф. В десяти шагах его не видно было, сперва пятно показалось, а потом выяснилось, что это не просто пятно, а мой приятель Васиф, который совсем уже рассвирепел из-за моего опоздания.

- Ты когда-нибудь человеком станешь?

Я ему сразу все объяснил, рассказал и про бабушку, и про ее суеверие насчет прилетов совы.

- Это уж точно, - сказал Васиф, - не к добру это. Вот увидишь, случится что-то плохое, не станет сова зря каждую ночь прилетать. Верная примета. А еще если змея в доме появилась, надо сразу же блюдце с молоком. Иначе худо дело.

- Я думал, бабушка у меня одна суеверная, оказывается, ты тоже во всякую чепуху веришь, - сказал я, насаживая на крючок червя.

- Чепуху? В прошлом году змея заползла вечером в дом тети Ханумы, она, как ее увидела, сразу же начала визжать и визжала до тех пор, пока не прибежал ее старший сын Мамед и не выстрелил в змею из ружья, сразу же из двух стволов, я потом ее видел, не меньше полутора метров в длину, если сложить оба куска, ее прямо посередине на две части дробью разодрало.

- По-твоему, дядя Мамед должен был дожидаться, пока она ужалит Хануму?

- Очень нужно змее. Все бы обошлось, если бы Ханума выставила ей молоко, а так как на следующий день с утра пошло: сперва Хануму скорпион ужалил в руку, когда она инжир для сушки чистила, вся правая рука как бревно распухла, целую неделю. Хаиума стонала и не могла ею пошевелить, в самое время, когда рука ей была особенно нужна, инжир чистить и варить дошаб. А сам Мамед в тот же день пошел в уборную, и выскочил оттуда как ошпаренный, и через всю дачу со спущенными штанами к дому бежал. Оказывается, только он там расположился, смотрит, из щели в кладке змеиная голова высунулась - и к нему. Еще секунда бы - и привет! Второе лето в уборную как на разведку ходит - с ружьем, и, прежде чем встать там, каждую щель осматривает и палкой тычет. А ты - чепуха! И дочка Мамеда Сонька через два дня корью заболела.

- Все дети корью болеют. Когда мне пять лет было, я тоже корью болел, ну и что? К нам же в дом змея не заползала?

- А чего зря говорить, вот посмотришь, из-за этой совы теперь что будет. Она на вашу дачу прилетает?

- Нет, дяди Кямила.

- Посмотришь!

- Ладно! Наловим мы сегодня с твоими разговорами!

Хорошо хоть поплавок виден. Правда, здесь и невысоко совсем - от нашей скалы до воды метра два с половиной - три, не больше. Сова, змея... С Васифом спорить - бесполезное дело, упрямый он, как моя бабушка, и в приметы во все верит. Хотя, с другой стороны, некоторые приметы вроде бы и сбываются. Например, по тому, какого цвета солнце, когда садится, бабушка точно говорит, какая погода на следующий день будет, и никогда не ошибается. Если майские жуки раньше или позже срока весной прилетают, она уже весной знает, сколько летом винограда будет или осенью гранатов. Да и что говорить! По муравейнику, по обыкновенному муравейнику на нашей даче она сказать может, какая зима будет. В этом году все так и сбылось, как она перед отъездом с дачи сказала, зима в Баку была как на Северном полюсе, а два дня вообще в городе никто на работу не ходил, так снегом все завалило, а на дорогу в аэропорт, говорят, воинские части вызывали, людей выручать из застрявших машин... В такие приметы, которые с погодой связаны или, скажем, с урожаем, еще можно поверить, но в такие, от которых жизнь людей зависит, если верить, то ничего хорошего не получится. Это же курам на смех - из-за того, что прилетела какая-то дурацкая сова, с дядей Кямилом может что-то случиться! А бабушка и вот Васиф верят в это. Я знаю, что ничего случиться с ним не может, а все-таки мне вдруг стало неприятно, когда я вспомнил, что я первый сказал насчет дяди Кямила, что сова прилетает не к нам, а к нему на дачу. Думаю над этим и ничего с собой поделаться не могу, как будто я предатель. Яснее ясного, я же знаю, что ничего плохого случиться не может, а всё равно неприятно, как будто утром я дядю Кямила обманул или предал.

- Кутум! - заорал Васиф и выдернул удочку с рыбой. Как бы не так - кутум. Я еще, когда она в воздухе трепыхалась, увидел, что это обыкновенный лещ. Кутума здесь хоть сто лет уди, не выудишь.

- Пусть лещ! - сказал Васиф. - Полтинник за него получим - и то слава богу! - Он снял с крючка рыбу и бросил в ведро.

Насчет полтинника он загнул, за такую рыбешку самое большее копеек двадцать можно получить, если, конечно, не повезет и не нарвемся на какого-нибудь сумасшедшего дачника, который покупает не торгуясь, сколько скажешь, столько и даст. Однажды Васифу за ведро, в котором только и было пять лещей да штук десять бычков, дали три рубля, а он просил два. Рыбу всегда продает Васиф. Мы пробовали по очереди продавать, но из этого ничего не получилось. В первый день, в мою очередь, ко мне подошли двое, по моему, муж и жена, она, как увидела ведро с живой рыбой, сразу же мне: "Ах, какая прелесть, мальчик, почему рыба?" А я не знаю, что на меня нашло, отвечаю: "Она не продается, это моя рыба", - и языком с трудом ворочаю. А она: "Извините, пожалуйста, я думала, вы продаете". Так они и ушли. С тех пор рыбу продает только Васиф, ловим все трое, а продает он. Акифу он тоже не разрешает, потому что тот никогда не торгуется -

сколько бы ему ни предлагали, сразу отдает. Рыбу мы продаем с прошлого лета. Сперва мы ее ели сами - делали шашлык на прутьях, очень вкусно получалось, пока не надоело, потом решили ее продавать. За одно лето набралось тридцать пять рублей. Деньги мы не потратили - они хранятся у Васи́фа. Мы подсчитали, что, если дела пойдут так же, мы на следующий год купим лодку, не новую, конечно, а старую, но еще пригодную. Васи́ф уже присмотрел одну и договорился с владельцем. Будем ловить рыбу. Васи́ф говорит, что если ловить с умом и не жадничать, то выгоднее этого дела и придумать нельзя, особенно теперь, когда на осетрину и лососину, уж не говоря об икре, повысили цену. Здорово будет, когда у нас лодка появится. Конечно, могут быть неприятности, если нас поймают рыбонадзор, но это вряд ли с нами случится, как-то в здешних местах обо всех все известно, а о том, что катер рыбонадзора выйдет в море, мы узнаем за полчаса, потому что рыбные инспектора дядя Мамед и его два брата - живут недалеко от нас, и к стоянке своего катера они ходят через нашу дачу, и бабушка каждый раз от души желает им, чтобы они поймали людей, которые губят столько рыбы из-за нескольких килограммов икры. Вот еще одну прибило с распоротым брюхом, огромная, метра два длиной, не меньше...

Наконец-то! Совсем крошечная, не рыба, а головастик, а все равно приятно! Самое трудное первую поймать - теперь пойдет!..

Я даже не заметил, с какой стороны он появился. Стоит рядом и смотрит на поплавки. Если бы не сегодняшней туман, мы бы его, конечно, издали заметили бы. А тут прямо фокус - только что никого не было, а теперь стоит рядом человек в накрахмаленной матроске и белых штанах и смотрит. Я такие матроски только на девчонках видел, нормальный человек такую ни за что не наденет, сколько его ни уговаривай! Поздоровался. Я кивнул в ответ, Васи́ф что-то буркнул.

- Рыбу ловите? - А что еще может спросить человек, который в Гаялах по берегу прогуливается в белых штанишках. Неужели сразу не видно, что мы делаем?

Я думал, что Васи́ф после такого вопроса его сразу прогонят, а он нет.

- Ловим, - отвечает, - ловим рыбку помаленьку. - Я как услышал, каким ласковым голосом Васи́ф разговаривает, сразу понял, что он что-то задумал.

- Можно, и я рядом с вами половлю? - да кто же такие вещи спрашивает, купили мы эту скалу, что ли?

- А ты часто рыбу ловишь? - спросил Васи́ф.

- В этом году еще не ловил.

- А может, ты и не умеешь?

- А чего здесь уметь, - он улыбнулся, - дело несложное.

- Несложной, конечно, - сразу же согласился Васи́ф и подмигнул мне. - Вот мы с тобой так и договоримся. Если ты поймаешь рыбку, она твоя. А если нет...

Я все думал, сядет он в своих накрахмаленных штанишках на сырую от росы вязанку хвороста? Сел.

- А если не поймаю? - Он все улыбался, видно, ждал, что Васиф посулит ему что-нибудь приятное.

- Тогда миг тебе по разу дадим по шее. Каждый. А может, даже по два раза. Идет? - Любой другой человек за такие вопросы сразу же дал бы Васифу в глаз или в крайнем случае ушел бы, а этот хоть бы что, даже улыбаться не прекратил.

- Идет, - как ни в чем не бывало взял у Васифа запасную удочку и потянулся к моей баночке с червями: - Можно? - Не сразу взял, только после того, как я кивнул.

И откуда он появился здесь? Мы-то всех знаем, и приезжих и местных. Червя он на крючок правильно насадил и, перед тем как закинуть, поплевал на него. Молчит. И правильно делает, что молчит. Васиф сейчас только и ищет предлога, чтобы ему по шее дать до того, как выяснится, поймают ли его что-нибудь или нет. Тут и без всяких примет ясно, что Васиф до его шеи доберется. Все-таки с этими приметами все как-то странно получается. Когда видишь, что такие люди, как моя бабушка или Васиф, верят в них, волей-неволей удивляешься. И самое главное, чем больше думаешь, тем больше вспоминаешь, что некоторые из них хоть и случайно, но сбываются, вот ведь в чем дело. Я же помню, как бабушка жене Рашида Аделе сказала, что у той через месяц родится мальчик. Уже после второго ребенка Рашид с женой даже надеяться перестали насчет мальчика. Никто ведь тогда не поверил бабушке. У Адели до этого трое детей было, и все девочки.

Бабушка посмотрела на ее живот, когда Аделя пришла к нам сито одалживать, внимательно посмотрела, даже сбоку зашла поглядеть на него, а потом попросила ее сделать один шаг. Та шагнула вперед, не помню только сейчас, правой или левой ногой, а бабушка ей: "Ты, милая, мальчика родишь. И не сомневайся". Аделя ужасно обрадовалась, но все равно не поверила. Тем более что Рашид, когда узнал об этом, сказал, что все эти приметы не что иное, как темное суеверие, недостойное интеллигентного человека. Аделя целый месяц не верила, а потом родила мальчика. Рашид сказал, что рождение сына - счастливая случайность, и я про себя согласился с ним. Дядя Кямил сказал, что никакая его не случайность, а закономерность, такие, как Рашид, обязательно должны создавать себе подобных для того, чтобы в природе поддерживалось равновесие. Какое это равновесие, он не успел объяснить, потому что его жена Наиля назвала его злым и попросила при ребенке, это она обо мне, о таких вещах не говорить. Конечно, я об этом случае не потому вспомнил, что о сове думаю. Примета приметам рознь, название у них только одно. Может быть; бабушка по форме живота догадалась, кто у Адели родится, а шагнуть попросила просто так, на всякий случай. Или случайно угадала, сколько раз я сам видел по телевидению, как на футбольном поле не какие-нибудь ребята вроде нас с Васифом, а самые что ни на есть взрослые люди - футболисты отгадывают, в каком кулаке судьи зажата фишка, и правильно отгадывают. Случайно? Случайно. И без всяких примет. Так что об этой сове и думать нечего! И зря я переживаю из-за того дяди Кямила. Я же просто так сказал, чтобы успокоить бабушку... Я то знаю, что от прилетов совы никому вреда не может быть. Это же каждому человеку, кто меня хоть немного знает, ясно, что, если бы действительно должна была бы приключиться какая-нибудь беда, я бы никогда ее от себя на дядю Кямила не перекинул бы! Все! Больше и думать об этом не буду.

- У меня червяк сорвался. Можно, я еще одного возьму? - Это он ко мне обращается. В жизни таких вежливых не видел, как будто не червяка одного земляного просит, а второй

лист для контрольной по истории или алгебре. Хотя на его месте любой человек станет вежливым, если на него напялить летом накрахмаленную матроску и брюки. Да бери, пожалуйста, хоть всю банку, разве мне жалко?

- Бери, - говорю.

Он, пока червя насаживал, все на меня поглядывал. По всему видно, что поговорить со мной ему охота, дай только знак. Конечно, поговорить можно было бы, я пригляделся, физиономия у него не очень противная, не такая, как у некоторых --хочется подойти поближе и стукнуть по ней изо всех сил ни с того ни с сего... Можно сказать даже, что физиономия у него приятная. Так и кажется, что он каждую минуту готов улыбнуться, только слово ему скажи. Я с ним поговорил бы, ко Васиф терпеть не может, когда во время ловли разговаривают, хотя какая это ловля, целый час уже прошел, а я, кроме одного заморыша бычка, ничего не поймал. Ладно, обойдемся без разговоров пока. Тем более неизвестно, что будет, если он ничего не поймает, может быть, он и разговаривать не захочет после того, как Васиф по шее ему даст.

Вечером дядя Кямил должен приехать, пойду к нему в гости. Он радуется, когда я прихожу. И сейчас и раньше, когда Наиля, его жена, жила здесь. Да и она мне всегда радовалась, может быть, она меня и сейчас вспоминает, я же о ней помню. Без нее гораздо хуже стало, но для меня все равно самое приятное место с Гаялах-дом дяди Кямила. Мы часто и не разговариваем даже, он работает, стучит на своей машинке - она у него очень древняя, похожа на старый черный пистолет, но работает хорошо, а я в это время лежу себе на тахте и читаю журналы, которые он привозит с собой из города. Он и сегодня, наверное, будет работать, но я все равно попрошу его оторваться на минутку и застрелить сову, как только она прилетит. Случиться из-за ее прилетов ничего не может, а настроение у человека все-таки портится. А это никому не нужно, особенно сейчас, когда дядя Кямил и без того ходит постоянно грустным. Он вообще сильно изменился в последнее время. Теперь даже представить трудно, каким он был веселым в начале лета, когда он в первый раз приехал на свою дачу со своей женой. Я не припомню, чтобы еще чей-нибудь приезд до Наили наделал такой переполох! Все только о ней и говорили, о ее фигуре, прическе, даже о походке. Аделя сразу же объявила всем присутствующим женщинам, что она сама бы ни за что, даже если бы ее повесили в случае отказа, не согласилась бы носить, выставляя напоказ ноги, такую бесстыдную юбку, как у новой соседки. Я, честно говоря, на месте Адели тоже бы не согласился, потому что несколько раз на пляже видел, какие у нее ноги - ходить-то на них, пожалуйста, сколько хочешь можно, но вот показывать их при помощи такой юбки, как у Наили, действительно не стоило бы даже самым близким людям, а не то что посторонним. Я попытался представить себе человека, который хочет застрелить Аделю за то, что она отказывается показать дачникам в Гаялах свои ноги, но у меня ничего не получилось, потому что как раз в этот момент заговорила моя бабушка и такое сказала, что я и думать забыл о ногах. Она сказала, что в ее время такую женщину, как Наиля, не пустили бы ни в один приличный дом и ни одна порядочная женщина не согласилась бы с ней водиться. С бабушкой все в один голос согласились и сразу же вслед за этим разошлись, потому что время уже было позднее.

С ума они посходили? Неужели все люди так быстро меняются, стоит им на два-три месяца уехать из города в селенье вроде нашего, где дачники только и видятся друг с другом и

больше ни с кем? Да в таких мини-юбках, еще покороче этой, и в Баку полгорода ходит, и никому в голову не придет возмущаться этим! И не только в Баку, ни на одну девицу в мини никто внимания не обратит ни в Бильгя, ни в Мардакянах, ни на одном более или менее приличном курорте Апшерона. Даже интересно стало, что бы со всеми нашими соседями произошло, если бы они здесь жили безвыездно круглый год. Жаль, что это невозможно, очень уж интересно было бы поглядеть, какими они станут. Неужели они, кроме мини-юбок, ничего больше и не заметили? Сперва я увидел дядю Кямила, он шел по тропинке со своими чемоданами, и я сразу же побежал ему навстречу. "Здравствуй, - сказала она и протянула мне руку. - Вот ты какой, оказывается". А я не мог ей ничего сказать, ни одного слова, я даже посмотреть на нее еще раз не мог себя никак заставить, а только и мог в тот день, что молча идти между ними обоими к дому дяди Кямила, чувствуя, как у меня перехватило горло и где-то очень глубоко в груди стеснило дыхание так, что на глазах выступили слезы.

Все с того дня переменялось в Гаялах. Раньше мне бы и в голову не пришло пойти утром погулять просто так, а теперь мы гуляли вдвоем, и оказалось, что это очень приятное занятие, гулять рано-рано утром просто так по берегу моря, смотреть, как возвращаются с ночного лова баркасы рыбаков, или вечером смотреть, как заходит в море солнце. Никогда раньше, до приезда Наили, мы так не гуляли.

Правда, каждый раз мне становилось почему-то грустно, но не очень, а так, слегка, но и грусть эта была очень приятной. Если и ходил куда-то - только по делу, за хлебом или к молочнику, на берег рыбу ловить, а чтобы просто так, и в голову не приходило. Всю жизнь здесь прожил я, а обо всем этом я знать не знал, вот ведь что удивительно! Но лучше всего было, когда мы приходили домой. Вечером. Света не зажигали, от полной луны вокруг до того светло было, что даже светляки не светились, только и САКппш было, как внизу, под скалами, море шумит негромко и в саду, перед домом, звенят сверчки. Сперва мы просто сидели на балконе молча, и казалось, ни у кого больше не будет сил встать с места, до того мы уставали на этих прогулках. Первой всегда вставала Наилья, ни разу я не услышал ее шагов, когда она подходила и включала музыку. Если закрыть глаза, то сразу же можно было представить, что весь оркестр собрался целиком и играет здесь, на маленьком балконе дяди Кямила, и из-за тесноты музыканты расселись где кому удалось. Рояль стоял в двух шагах от меня прямо напротив, у самого крыльца, и по всему чувствовалось, что пианист очень доволен тем, как хорошо освещены клавиши, и только торопится изо всех сил доиграть все до конца, прежде чем луна скроется за тучей, и что никаких других в этот вечер у него забот нет, а обижаться он и не думает, ему становится еще приятнее, когда трубач на самой высокой пронзительной ноте, от которой зазвенели все стекла, отрывает от губ трубу и, положив ее на крышку рояля, садится рядом, и они вдвоем в четыре руки успевают обогнать не только скрипачей, играющих стоя на ступеньках лестницы, но и блуждающих в поисках места по всему дому саксофонистов, правда, еле-еле, но все же успевают обогнать ударника, содрогающегося всем телом под сухими ударами и оглушительным звоном, отдающимися в скалах неслышанным здесь чудным эхом. Певец пел на незнакомом языке, но было понятно, что этот человек поет потому, что любит неслышанной любовью и хочет, чтобы об этом узнал каждый, все люди в Гаялах, и он пел об этом так, что у всех, кто его слушал, начинала гореть кожа на лице, а по плечам и спине

один за другим проворно пробежали на ледяных лапах муравьи, до тех пор, пока, не выкрикнув в последний раз признание, все те же слова, значения которых я не знал, он не падал всем телом на щербатый пол балкона.

Я бы до утра смотрел бы, как они танцуют, до того у них это здорово получалось, даже когда они останавливались друг против друга, было видно, что они продолжают танцевать и остановились они потому, что наступил такой момент, без которого невозможно обойтись, когда надо немедленно остановиться и посмотреть друг на друга, как смотрели они. После того как появилась Наиля, я понял, что и дядя Кямил очень красивый, с тех пор я и начал мечтать, что, когда вырасту, буду такой же, как он, высокий и гибкий, с мускулами на плечах и руках... Красиво они танцевали, и хорошо мне было, когда я на них смотрел. Уходил я от них только тогда, когда бабушка начинала меня кричать. Иногда, проснувшись ночью, я слышал стук машинки, дядя Кямил и раньше много работал, но не так, как теперь, после того как приехала Наиля. Часто утром, когда я приходил к ним, у него были красные глаза и белые, без кровинки, губы. Но гулять он все равно шел, спать ложился часа на два-три днем в полдень или чуть позже, после того как мы возвращались домой. Ни к кому из соседей они не ходили, и у них никто не бывал.

Не то что его не любят или не уважают - просто он неразговорчивый и очень много работает, вот в чем дело. Но вообще я заметил одну вещь - с тех пор как здесь появились Рашид и Аделя, к нему все стали относиться хуже. Как-то незаметно-незаметно, но постепенно все наши соседи стали дружить с Рашидом, советоваться с ним по поводу всех своих дел, ходить к нему в гости. Постепенно они совсем перестали ходить к Кямилю и к себе перестали приглашать, даже на дни рождения или свадьбы. Потому что это был единственный человек, который с Рашидом не только не дружил, а даже разговаривал не так, как все наши соседи, сухо разговаривал, как с посторонним, да и то только тогда, когда Рашид к нему сам первый обращался. Я чувствовал, что Рашиду это очень неприятно и обидно, было видно, когда они встречаются, что Рашиду непонятно, почему это дядя Кямил ни с того ни с сего к нему так несправедливо относится. Аделе это тоже не нравилось, и она всем говорила, что из дяди Кямила ничего путного в жизни не получится, да и что может получиться из человека, который, вместо того чтобы засучить рукава и взяться за дело, вбил себе в голову, что он писатель, и занимается день и ночь бесполезной чепухой.

Рашид при этом начинал морщиться так, как будто у него внутри начинает что-то сильно болеть, и сразу же просил Аделю, после того как она замолкала, не говорить так о дяде Кямиле, потому что это не их - Адели и Рашида - дело, как живут другие люди. И в конце концов может быть, что из дяди Кямила и вправду получится писатель.

- Пьяница из него получится или еще что-нибудь похуже, - каждый раз говорила Аделя. - Когда-нибудь увидишь, кто прав - ты или я.

- Напрасно, напрасно ты так говоришь, - вздыхал Рашид, - Я не спорю с тобой, просто зачем нам нужны эти разговоры, и ты нервничаешь, и я, он хоть и посторонний мне человек, но я ведь из-за него переживаю. И потом, плохого он никому не делает, только себе вред приносит. Давай поговорим в чем-нибудь приятном!

Непонятно, из-за чего Аделя так дядю Кямила невзлюбила и презирает, а то, что она его невзлюбила, я точно чувствую. А после того как Наиля приехала, Аделя только ею и

занимается, все бегают по дачам с новостями, и откуда она их берет, ума не приложу, в бинокль она дачу дяди Кямила разглядывает, что ли? Все знают, что моя бабушка сплетен не любит, не слушает никогда и сама не рассказывает, так она даже моей бабушке что-то умудрилась рассказать - я из булочной вернулся, смотрю, бабушка сидит молча, уставившись в глаза Адели как загипнотизированная, а то говорит быстро-быстро:

- Свадьба! Какая свадьба? Слава богу, что зарегистрировались! - Тут она увидела меня и замолчала. Я сел за стол напротив нее и стал ждать, когда она уйдет.

- Как ты хорошо загорел! И вытянулся. Но, по-моему, похудел немного! Или мне кажется?

- Кажется, - говорю.

- А почему к нам не заходишь? Мы всегда тебе рады.

- Зайду как-нибудь, - сказал я и сразу же пожалел. Надо было по-другому: "Потому что мне у вас неприятно бывать!" - или еще лучше: "противно". Жаль, что не сразу догадался, но ничего, сейчас она еще что-нибудь спросит ответим! Надолго запомнит. В окно уставилась, чего она там увидела интересного?!

- Рашид приехал! Сюда идет. - И чего они оба друг другу радуются, прямо-таки всем телом завилыла от счастья, а это, сидя на табурете, уметь надо. Это еще что, я своими ушами слышал, как она его "масей" называла. Чуть не стошнило меня. Вон он, "масы", сюда топает. И чего ему здесь понадобилось? Уйду, пока не поздно, наверное, дядя Кямил уже проснулся.

- Здравствуйте! Как ваше здоровье? - Это он бабушке. - В вашем возрасте о старости говорить даже неприлично! Какая старость! Вам сейчас самое время жизни радоваться в окружении детей и внуков, а вы старость! А ты, дорогой мой, совсем уже взрослый молодой человек! Гость в дверь, а ты из дому! Разве так можно?

- Дядя Кямил меня ждет.

- Привет ему передай, очень он мне нравится, достойный человек, умный, тихий, муху не обидит...

Может быть, слышалось? Вроде нет, и у Адели от удивления лицо вытянулось.

- ...Очень жаль, что я с женой его незнаком. Нехорошо. Рядом живем, соседи, а до сих пор незнакомы. Я за свою долю вины отвечаю, но и Кямил виноват. Мы хоть и незнакомы, но я все равно вижу, какой она хороший и приятный человек. Так и передай, дядя Рашид сказал - хороший и приятный. Запомнил?

- Наряжается она приятно, - сказала Аделя. - Не понимаю только, для чего ей лишние хлопоты, когда можно при здешнем климате совсем голой ходить. И ей удовольствие, и мужчинам, всем, кто со стороны смотрит.

- Ты так говоришь, - сказал ласковым голосом Рашид, - потому что у тебя сердце большое и чистое. Открытое у тебя сердце и обращено к людям...

Он как сказал это, я сразу же себе сердце Адели представил. Не специально само собой так получилось. Вертится перед глазами, и ничего не поделаешь большое и чистое, и почему-то очень похожее на большую желтую клизму. Я попытался представить его таким, каким должно быть человеческое сердце, но ничего у меня из этого не вышло - я вдобавок почувствовал, какое оно, упругое и скользкое, ее сердце под левой грудью. Сжимается и разжимается, и черным наконечником направлено в сторону людей, то есть в нашу. Даже полы ее халата при этом слегка раздвигались, до того оно было большое. Только благодаря Рашиду мне удалось от вида ее сердца избавиться - он опять заговорил:

- И поэтому ты ко всем людям подходишь со своей меркой... А это ведь не всегда годится. Надо иногда и терпимой быть, особенно когда речь идет о молодежи. У них своя мера, у нас своя! И потом я тебе скажу, а ты меня знаешь, я никогда не ошибаюсь, - дочь таких приличных родителей, как бы ни одевалась, плохой быть не может, а единственная дочь такого отца!..

- Такого, - сказала Аделя, - который единственную дочь без свадьбы из дому отпустил и за два месяца навестить ее ни разу не догадался?! Или отец очень хорош, или дочь!

- Нетерпеливая ты, - с сожалением сказал Рашид. - Все образуется! Отец всегда простит единственной дочери временный каприз. Была свадьба, не было какая разница. Самое главное, чтобы дети были. А приезжать у него времени нет. Государственный человек! Если он начнет по своим личным делам разъезжать, что с остальными людьми будет? Об этом ты подумала?

- Да кто ее отец? Государственный, прямо уж...

- Не надо, - сказал Рашид Аделе. - Я тебя прошу, не говори лишних слов. Раз я говорю государственный, значит, знаю, что говорю...

Я хотел незаметно пройти за его спиной, но он заметил это и повернулся ко мне:

- Я, пожалуй, тоже пойду с тобой к Кямилу. На то она и дача, чтобы люди друг к другу ходили запросто, без всяких телефонных звонков. Приглашу их к нам на вечер, вместе телевизор посмотрим, сегодня повторно "Семнадцать мгновений весны". Хорошая картина, недаром за нее Государственную премию дали. И ты приходи... Ну и что ж, что смотрел... Одного Броневого второй раз посмотреть стоит. Мальчику твоего возраста это особенно полезно,

Я заметил, что чем ближе к дому дяди Кямила мы подходили, тем громче и ласковее говорил Рашид, а на лестнице он меня обнял за плечи и, говоря, наклонился ко мне, как будто я глухой или контуженный.

Я могу точно сказать, что дядя Кямил сперва растерялся, когда увидел Рашида, поздоровался, однако не предложил ему сесть, на меня удивленно посмотрел: мол, кого ты привел? С Наилей дядя Кямил Рашида познакомил, но цветной телевизор смотреть в доме Рашида отказался, сказал, что мы все вечером идем в гости к зрителю маяка. Рашид тут же похвалил дядю Кямила за то, что он устраивает для нас познавательные прогулки, и сразу же вслед за этим стал рассказывать о том, как он в молодости, да и сейчас, любил прогулки по берегу, маяки и вообще природу... У нас всех троих сразу же испортилось настроение, потому что, прежде чем начать рассказывать, Рашид подsunул

под себя стул, хотя никто его не приглашал садиться, в всем стало ясно, что уходить отсюда в ближайшее время он не собирается.

Кажется, Васифу не удастся дать нашему приятелю в матроске по шее клюнуло у него, да так, что поплавок не просто качнулся, а резко нырнул под воду. Поплавки у нас самодельные, Васиф их делает из балберки - это большие коричневые бруски из пробки с двумя дырками на концах, здешние рыбаки их крепят к сетям. Васиф говорит, что поплавки из балберки гораздо лучше фабричных, которые своим пластмассовым запахом отпугивают рыб. Целиком в воду окунулся, похоже, что крупная рыба клюет. Подсек. Камышовое удилище изогнулось - вот-вот зацепится. Правильно! Он удилище отбросил, за леску схватился, тянет. Сейчас вытянет куст водорослей и тут же по шее схлопочет, конечно, Васиф уже приготовился. Это еще что?! Из воды полтуловища вытянулось с острой мордой... Васиф сорвался с места, к нему бросился - на помощь. "Спасибо, говорит. - Я сам". Вежливый, тянет из последних сил, а спасибо сказать не забыл. Васиф руки убрал, от удивления, наверное. Осетр! Поднимается вверх как на лифте! Не сорвался бы! Есть! Вот он! Осетренок килограммов на пять. Ничего не понимаю. В здешних местах никто еще осетра на удочку не вытаскивал, я это точно знаю. Не только ребята, ни одному и взрослому рыболову такое не удавалось. Бывало два-три раза, что кутум попадется, но чтобы осетр! Васиф даже побледнел, суетится, воду в ведре сменил для осетра, а этот в матроске хоть бы что, как будто бы каждый день с ним такое бывает, - сперва крючок отцепил, потом взял двумя руками эту рыбину за хвост и поднял, и все спокойно, не торопясь. На меня глянул: мол, пожалуйста, полюбуйся! Хорош, ничего не скажешь, морда на акулю похожа, а туловище светло-серое, как будто из металла. Смотрю на эту рыбину и удивляюсь: столько времени мы сюда ходим, можно сказать, каждое утро почтя, и ни разу такой не попалось. Даже немного обидно стало. А этот в матроске все на меня поглядывает, поздравлений от меня ждет, что ли?

- Здоровый, - говорю, - сантиметров девяносто в нем, наверное, а может, даже метр!

- Тяжелый он, я все боялся, что леска оборвется, пока тяпнул его вверх! Жалко было бы, если оборвалась. - Он последние слова сказал, глядя на меня вроде бы вопросительно. Я только хотел ему ответить, не успел.

- Леска оборвется. Как же она оборвется, если она нейлоновая. Каждый дурак это знает, - и чего Васиф так из-за лески разозлился? - И разговаривать потише надо, сам поймал и другим не портить. Лучше вообще помалкивай! - Я бы ни за что не остался бы. Я думал, он заберет своего осетра после этого и уйдет. Интересно только, что Васиф ему при этом скажет. А он не ушел, только на меня удивленно посмотрел, не на Васифа, а на меня, как будто это я на него накричал.

Мы этого осетра засунули головой вниз в ведро и сверху прикрыли мокрой парусиной. Он ее сразу в сторону отшвырнул хвостом, пришлось в ведро на нее сверху положить несколько камней, тут он немного приутих.

Закинул я удочку, сижу и думаю - а вдруг и мне такой же попадется! Никогда я до сегодняшнего дня не хотел поймать осетра, не то что не хотел, а даже не думал, что он вообще может попасться, можно сказать, даже не вспоминал о нем. Каждому лещу радовался, да что там лещу, самому маленькому бычку или шамайке, а сегодня осетра

захотелось... А может быть, поймаю. Этот же в матроске на моих глазах поймал, сидел как все, без всяких фокусов, и поймал... Опять он на меня смотрит:

- Можно, я червя возьму?

Что же он, каждый раз спрашивать будет?

- Спасибо. - И чего он такой вежливый? Чересчур какой-то вежливый. Взял червя из банки, долго разглядывал его, я уж подумал, что он и перед ним извиняться хочет за беспокойство, потом все-таки насадил. И тут Васиф встал со своего места и подошел к нему. Сейчас, думаю, по шее ему все-таки даст за то, что он разговаривает. Васиф подошел к нему и протянул удочку.

- Давай удочками обменяемся?

- Зачем?

- Так.

- Не хочу, мне эта нравится.

- А получить не хочешь? Удочки чьи? Скажи спасибо, что эту тебе даю!

Он удочку отдал и снова на меня глянул. На меня смотреть нечего, ты на Васифа лучше посмотри.

- Местами давай поменяемся! Вставай.

- Место тоже твое?

- Мое. Мотай отсюда.

Почему он не заберет свою рыбу и не уйдет? Непонятно. Может быть, он боится, что Васиф не разрешит ему осетра забрать? А ведь верно, не разрешит. Или даст ему одну треть, скажет, что так полагается - делить на всех. Мы всегда все делим, но это мы, он же не мушкатер. Не ушел. Теперь Васиф РЯДОМ со мной сидит. Посмотрим, как у него теперь на новом месте с новой удочкой дела пойдут. Он теперь думает, что эта удочка счастливая, раз на нее осетр попался. Интересно, есть такая примета? Надо будет у Васифа спросить. А вообще хватит мне сегодня о приметах думать. Хорошо еще, что я в них не верю. И не поверю никогда, а то представляю, что будет, если эта дурацкая сова у меня с утра из головы не выходит. А глупее этой приметы, наверное, и быть не может. Суеверие это глупое. Пережитки прошлого. Мы по истории проходили, что раньше, в древности и в средние века, люди комет боялись, говорили что они несчастья предрекают. Хорошо, хоть сейчас в эту примету никто уже не верит. В прошлом году ни от кого никаких предсказаний я не слышал, когда комета появилась. И ничего не случилось. Как же это я забыл утром бабушке об этом сказать?! Вот то было бы настоящее доказательство, научный факт, а я вместо этого об участке дяди Кямила! Вспомнил. Ничего плохого в этом нет, я точно знаю, но почему-то мне неприятно, как будто я что-то по отношению к нему сделал неправильное или несправедливое. Знаю, что это дурацкие мысли, а сделать ничего не могу, думаю - и все. Не знаю, как это у других получается, а я никак не могу себя заставить о чем-то перестать думать. Иногда хочется о чем-то хорошем подумать, а в голову лезет всякая неприятная всячина. Вот дядя Кямил, я уверен, если не хочет о чем-то думать, то не будет,

он себя может заставить. Взять хотя бы, как он работает. Я говорю не о той работе, которую он как инженер делает на службе, там, понятное дело, зря зарплату не дадут, а о том, как он дома работает - на машинке. Ведь он не просто печатает как машинистка, которая без разбора печатает все подряд, что бы ей ни дали, он же, прежде чем напечатать о чем-то, должен сперва подумать. Вот я бы на его месте не сумел бы заставить себя придумывать, надоело бы. Это то же самое, если по какому-нибудь предмету непрерывно получать двойки. Любому ведь рано или поздно это надоест, и он вообще прекратит заниматься. В школе, конечно, такое произойти не может, а с дядей Кямиллом происходит - очень похожее. Он день и ночь работает, сочиняет на машинке, а печатать его не печатают. У него уже пять-шесть папок собралось его сочинений, почти все их вернули ему из издательства. А он все работает. Все вечера, а каждые пятницу и субботу почти всегда всю ночь до утра. Он раньше часто читал свои сочинения Наиле, потом стал это делать все реже и реже, а потом совсем перестал. По-моему, я знаю, в какой вечер это произошло. Я, уже подходя к дому, услышал, что он читает, хорошо это у него получается, мне нравится, и голос у него подходящий, гораздо лучше, чем у некоторых дикторов на радио или телевидении. Он читал, она сидела у него на коленях и слушала. Я бы посмотрел, как телевизионный диктор сумел бы что-нибудь прочитать толком, если бы у него на коленях кто-нибудь сидел в это время, причем не какой-нибудь ребенок, а такая, как Наиле. она хоть и стройная, но совсем не худая. Особенно один, который мне очень не нравится, он и без дополнительных нагрузок противно читает и говорит. Иногда включаешь телевизор, а он в это время говорит что-то, неопытный человек по его голосу и выражению лица может решить, что он говорит о чем-то важном или торжественном, а я уже знаю с первого взгляда, что он или о погоде говорит, или объявление читает о найме на работу, или о воскресном гулянье в парке. И в глаза он никогда прямо не смотрит, все время старается отвести взгляд в сторону. А однажды, вот честное слово, это было, - жалко, что проверить нельзя, разве только у него самого спросить - он кончил читать что-то и стал ждать, когда начнут показывать кинокадры, и вдруг я услышал, как у него в животе заурчало. Он даже заерзал на стуле, и глаза у него забегали, но ничего не получилось, так и урчало, пока не пошла кинохроника. У него там в животе урчало, а весь город слышал, здорово все-таки!

А дядя Кямилл, несмотря на то, что Наиле сидела у него на коленях и даже обняв его одной рукой за шею, читал как обычно, ровно и спокойно. Понятное дело, я сделал вид, что не заметил ничего, а она сразу же встала и начала меня угощать чаем. Я отказался и попросил дядю Кямилла на меня не обращать внимания и читать дальше, мне тоже захотелось послушать. Он кивнул, и снова взял со стола листы, и стал читать. Интересно было слушать. Самое удивительное, что никаких там приключений или происшествий не было, а слушать почему-то было интересно. Я случай один запомнил, который там произошел с одним человеком во время войны. Оказывается, я не знал этого раньше, в Баку в военные годы приехало очень много беженцев с Украины, и всех их разместили по квартирам, пока Украину от немцев не освободили. И какую-то семью поселили в квартире этого человека, забыл, как его звали и кто он по профессии. Этот человек, значит, в один прекрасный вечер возвращается с работы домой. И вдруг смотрит, на углу продают пиво. А это в те времена было в Баку очень редкое событие. Он, несмотря на то, что был после работы очень уставшим и голодным, встал в очередь. Очередь была длинная, и он успел забежать в магазин рядом и купить большую бутылку - четверть, в которую вмещается два с половиной литра, сейчас такие бутылки почему-то выпускать перестали. Домой он добрался очень

поздно, когда все уже спали, кроме этого размещенного постояльца-украинца. Тот ужасно удивился, когда увидел пиво, сказал, что вот уже два года, как он забыл его вкус. Тогда этот человек, хозяин дома, решил поделиться пивом с украинцем. Они выпили всю бутылку и сильно опьянели. От двух с половиной литров пива! До того они были слабые и отвыкли от выпивки. Пока они пили, украинец рассказывал о том, как он жил с семьей до войны, про свой дом с садом, про свою работу. Они долго еще разговаривали, несмотря на позднее время, говорили, что война страшная вещь, столько от нее уже несчастий с людьми, и сколько еще их будет. Перед тем как лечь спать, это уже когда они кончили разговаривать, украинец спросил, сколько стоит пиво, и отдал ему. деньги за свою половину. Потом с этим человеком, и во время войны и после нее, происходило очень много интересных событий, один раз его даже чуть, не убили, много, я их все и не запомнил, и беженцы давно вернулись к себе домой, но он все-таки время от времени думал о том, что с людьми делает война, и каждый раз при этом непременно почему-то вспоминал о том, что он тогда взял у украинца деньги за пиво. Мне показалось, что он очень жалел об этом, хотя в повести ни слова на этот счет сказано не было. Дядя Кямил вдруг перестал читать, потому что его остановила Наиля. Она задала ему какой-то вопрос, что-то в повести ей показалось непонятным. Наверное, вопрос показался дяде Кямилу странным или даже неприятным, я-то его хорошо знаю, он даже побледнел и ответил не сразу. Потом сказал, что все это пустяки, а он, жуткий эгоист, заставляет нас слушать всякую чепуху. Она очень растерянно на него посмотрела, а я сразу встал и сказал, что мне пора идти, и ушел, хотя бабушка меня не звала. Когда я спускался по лестнице, я услышал, как Наиля спросила:

- Но полюбил же ты меня не за то, что я разбираюсь в литературе?

Что ей ответил дядя Кямил, я не расслышал.

На следующий день мы втроем решили пойти искупаться. Только вышли из дому, слышим, Рашид окликает, он тоже захотел с нами пойти. Вот привязался! Хорошо хоть, ждать не пришлось - вся семья тут как тут в полном составе. Рашид какую-то сумку несет, Аделя ребенка, у детей тоже какие-то свертки и большой складной зонт. Рашид его берет на берег по воскресеньям, вся семья под ним собирается. Красивый зонт, на пляже на него все обращают внимание, не дачники наши, они все уже к нему привыкли, приехавшие из города в воскресенье. Если бы он был не такой красивый, то и брать бы его не стоило, у нас на пляже четыре навеса стоят на железных столбах, и под всеми почти всегда пусто. Я, конечно, не против, пусть хоть все Гаялы на этот пляж придут, но не обязательно же вместе с нами. Рашид никому слова сказать не дает, ни на минуту не умолкает. Я два или три раза ответил, когда он у меня спросил что-то, а потом отошел подальше. И Наиля с дядей Кямилем почти все время молчат. Обычно они на пляже оба шутят, дядя Кямил что-нибудь смешное рассказывает, а сегодня оба молчат.

А погода сегодня самая подходящая для пляжа. Как будто кто-то специально подвесил на небо несколько туч, солнце сквозь них, как через матовое стекло, светит - греет, но не сильно, и кожу не обжигает, и глазам без темных очков приятно. Я попробовал воду у берега - теплая-теплая. Хорошо бы, если и дальше, где глубока, она такой была бы. Как в том сне, я его несколько раз видел. Берег моря с теплым песком, а вокруг скалы, не такие, как в Гаялах, серые и голые, на тех росли деревья и кусты с яркой зеленой листвой. И вода была такого цвета, теплая и прозрачная, везде дно было видно, белес, похожее на тающие

лед или сахар. Я такое дно однажды видел - когда с отцом ездил в Дашкесан на горнорудный комбинат во время весенних каникул. Там с горы было видно, как между ярко-зелеными берегами течет река с очень прозрачной водой, точно по такому же, как в моем сне, дну. Оно спускалось широкими белыми ступеньками, каждая ступенька величиной с дачу дяди Кямила, не меньше, а по нему лилась без единой волны, даже ряби никакой не было, прозрачная вода. И почему-то казалось, что она должна быть очень холодной. Отец сказал, что так оно и есть, во всех горных реках вода холодная, а дно здесь белое потому, что река течет по сплошному месторождению белого мрамора... Во сне вода была теплая-теплая и очень ласковая. Каждый раз ужасно жалко становится, когда среди - этого сна просыпаешься, я несколько раз пытался снова заснуть и оказаться на этих теплых волнах, среди скал со странными деревьями, но ничего у меня не получалось, заснуть-то, конечно, удавалось, но этот сон вернуть ни разу не получилось. Иногда, когда я вспоминаю этот сон, начинаю думать, что, может быть, такой берег есть на самом деле, не здесь, конечно, в Гаялах, а где-нибудь. Знаю, что чушь это, не может быть наяву того, что увидишь во сне, но все-таки надеюсь.

Так я и знал, что из сегодняшнего купания ничего путного не получится. Наиля повернулась и пошла назад на берег. Дядя Кямил поглядел ей вслед и тоже вышел. Из-за медуз. Наиля их боится и брезгует. Они скользкий и липкие, а когда их много, так и кажется, что кто-то сварил очень много студня и вылил его в море, и он теперь постепенно застывает. Я и дядя Кямил не обращаем на них внимания, хоть и неприятно, а Наилю всю передергивает, стоит медузе коснуться ее.

Этим летом их видимо-невидимо, гораздо больше, чем в прошлом году. Раньше, здесь медуз не было, не только в Гаялах, вообще раньше во всем Каспийском море ни одной медузы не было. Они впервые года два назад появились. По-моему, все даже немного обрадовались, что теперь, как и во всех приличных морях и океанах, и в нашем медузы есть. Это когда за неделю одна или две медузы попадались, никто же не ожидал, что с каждым годом их будет все больше и больше, чуть ли не на берег вылезают. Только после сильного шторма их несколько дней не бывает.

Я спросил у дяди Кямила, откуда они появились и нельзя ли от них как-нибудь избавиться. Он мне объяснил, что, по всей видимости, они попали сюда случайно, какой-нибудь корабль, прибывший по Волго-Донскому каналу, притащил их на днище или еще как-то из Черного или Средиземного моря, а условия здесь оказались подходящими, и они сразу приспособились. Там, откуда они прибыли, наверное, их истребляли какие-нибудь рыбы или дельфины, а здесь подходящих врагов для них не нашлось, кроме шторма, который их не уничтожает, а только отгоняет на время, вот они и расплодились в таком количестве и будут плодиться, пока на них не найдут управы ученые-биологи. Дядя Кямил сказал, что подобные явления и среди людей бывают. Я сперва подумал, что он шутит, а потом смотрю, нет, серьезно говорит, что и среди людей есть такая категория, которая очень хорошо, лучше остальных находит подходящую для себя среду и сразу же приспособливается к ней. Вот, например, когда он поступил в институт, лет восемь тому назад, и позже, когда он там учился, ни один студент, кто бы ему это ни сказал, не поверил бы, что кто-нибудь из преподавателей берет взятку у поступающих или у своих студентов, когда принимает зачеты и экзамены. Таких преподавателей действительно тогда не было, потом откуда-то появились. Сперва один или два, а потом выяснилось, что взятки берут но многих

институтах. Неизвестно, что бы дальше получилось, если бы за это дело крепко не взялись. Дядя Кямил говорит, что эти взяточники ничем не отличаются внешне от нормальных людей: до того, как их уличили, часто на собраниях выступали, на педагогических советах и говорили очень правильные вещи. Я сразу вспомнил, как по телевизору показывали суд над одним бывшим преподавателем-взяточником из института, где работает дядя Кямил, ему все доказали и свидетели и прокурор, а он, как будто ничего этого и не было, в конце встал и сказал, что пострадал безвинно, а на самом деле всю жизнь выполнял свой долг по воспитанию юношества. Дядя Кямил сказал, что такие люди есть везде, не только в институтах, но они так хорошо научились притворяться настоящими, что распознать их с каждым годом становится все труднее, и труднее. Смотришь, человек как человек, и одет нормально, и при галстук, в театр ходит, газеты читает, как все. Рашид сказал, что вот он, все знают, добрый человек, мухи не обидел в своей жизни, но мерзавцев, о которых говорил дядя Кямил, он бы собственноручно расстрелял бы. Ставил бы "к стенке и расстреливал. Дядя Кямил усмехнулся и сказал, что расстрелами дело не исправишь.

- А чем исправишь? - спросил Рашид, он удивился, что дядя Кямил не согласен их расстрелять.

- Если бы знал, - усмехнулся дядя Кямил, - то я другим делом занялся бы - политиком бы стал или администратором...

Не знаю.

Рашид открыл сумку, оказалось, это переносной холодильник, и вытащил бутылку вина и несколько банок апельсинового сока и пригласил всех на коврик, расстеленный под зонтом. Очень вкусно было пить разбавленное соком вино. Рашид по очереди выпил за здоровье всех присутствующих и всем пожелал счастья. Потом поднял бокал и сказал, что мечтает о том дне, когда сюда приедет отец Наили и по-семейному сядет за один стол с дочерью и дядей Кямилем.

Рашид сказал, что, увидев это, он почувствует себя самым счастливым человеком на свете. Наила и дядя Кямил переглянулись, но Рашиду по этому поводу ничего не сказали.

Я уже заметил, что к Наиле после этого все стали откоситься гораздо лучше, не то что первое время. Соседи вокруг стали ее в гости приглашать и сами частенько к ним захаживать. Но самыми первыми, что правда, то правда, переменились по отношению к ней Аделя и Рашид. Аделя ее и не называла уже иначе, как "Нелинька" или "лапочка", и каждый раз, как увидит, сразу же начинала радостно улыбаться, даже если у нее только что до этого было самое обычное настроение. Они часто беседовали о разных вещах, но, о чем бы ни говорили, в конце разговора Аделя начинала давать советы; как услышу Аделино: "Я, например", - знаю, сейчас начнет советовать. Рашид те сорок минут, за которые он раньше дяди Кямила из города приезжал, тоже старался использовать на Наилу пользу. Но он больше о делах говорил, советовал Наиле после отпуска уйти из своей архитектурной мастерской, там, говорит, никакой перспективы, и поступить работать в проектный институт, где перспективы есть, он и про дядю Кямила заботился, все просил Наилу, чтобы она не беспокоилась из-за его временного увлечения, которое скоро пройдет, и тогда Рашид это твердо обещал ей, дядя Кямил займется настоящим делом и добьется очень

больших успехов. Рашид говорит, что он понимает дядю Кямила, все хотят быть знаменитыми писателями или артистами, но, к сожалению, это очень редко у кого получается, потому что для этого надо иметь талант. Вот у него, Рашида, таланта нет, но он не горюет, у него семья и работа, и с него вполне этого хватает. Дядя Кямил тоже когда-нибудь это поймет, и тогда все у него пойдет как по маслу, голова у него есть, а когда у человека есть голова и образование в придачу, то можно за него не беспокоиться. Мне стало приятно, когда Наиля сказала Рашиду, что ей совершенно безразлично, чем занимается дядя Кямил.

Наиля очень часто стала к нам приходиться. Первое время только днем, когда дядя Кямил был на работе в городе, а потом все чаще и чаще и вечерами, когда он садился за машинку работать. Скучно, наверное, смотреть на человека, когда он работает непрерывно и молчит при этом.

Бабушка моя в этих разговорах участия почти не принимала, и это было очень странно, потому что уж кто-кто, а она человек очень разговорчивый. Если они в это время были у нас - Наиля с Аделей - и беседовали, то бабушка в это время обычно занималась своим делом; время от времени только вставит слово, если к ней обращаются, а так в основном слушает и что-нибудь делает - инжир чистит или еду готовит. С Наилей, когда она к нам приходила, она разговаривала вполне приветливо, ни к чему не придерешься, но не так, как с другими своими знакомыми. Найдя два или три раза попросила ее приготовить фисинджан - бабушка сразу согласилась, приготовила, и я видел, как она старалась, с вечера орехи приготовила, причем не через мясорубку пропустила, как обычно, а мелко натолкла их в медной ступке, и меня заставила в селенье сходить за гранатами для сока, хотя дома был уксус, а в чугунной сковородке до того, как положить туда растертые орехи, мелко-мелко крошенный лук и утку, долго варила гранатовый сок, опустив в него железные две круглые штучки, от этого фисинджан получился темно-фиолетового цвета, только таким и должен быть настоящий фисинджан, и посыпала его корицей, напололам смешанной с бадьяном. Наиля очень благодарилась, и бабушка сказала ей - "на здоровье", все как полагается, но, несмотря на все это, я точно знал, что Наиля ей не очень нравится, и приветлива она с ней из вежливости или, скорее всего, из-за меня, она же знает, что мы дружим, вот и хочет ей сделать приятное. Но все-таки из-за чего такой добрый и хороший человек, как Наиля, может не нравится моей бабушке? Никаких у нее оснований нет, тем более что та к ней вправду хорошо относится, всегда о ее здоровье спрашивает, когда я к ним прихожу. Даже Аделе она уже нравится, а моей бабушке нет. Спрашивается, за что?

Неужели из-за ее одежды?

Бабушка в это время, о чем-то задумавшись, сидела на балконе. Она несколько раз в день так садится отдыхать. Чем бы ни занималась, бросает все, как будто ее вдруг все силы покинули, и садится ненадолго. Вот она сейчас смотрит внимательно вдаль, так и кажется, что она ждет кого-то или морем любит, а на самом деле она в это время ничего и не видит, потому что думает о чем-то своем, спросишь у нее что-нибудь, она сперва встрепенется, как будто со сна, и не сразу понимает, о чем разговор, приходится второй раз спрашивать:

- Неужели из-за одежды своей?
- А что мне до ее одежды? - сказала бабушка. - Как хочет, так пусть и одевается. Если мужу по душе...
- Почему же она тебе не нравится?
- Нравится, не нравится... А зачем она должна мне нравиться? Это разве жена мужу? С тех пор как появилась., ни одного гвоздя не прибила, вещи ни одной в доме с места не сдвинула, все как стояло, так и стоит без толку. Хоть бы раз Кямила чем-нибудь, кроме яичницы или жареной колбасы с помидорами, накормила бы...
- Так она еще не умеет, научится.
- Как же, научится! Краем глаза хоть бы глянула, когда я готовлю!.. Музыка и танцы мужьям быстро надоедают. И у них это недолго протянется. Хоть бы у Адели поучилась!
- Сравнила!
- Я не сравниваю их - не гуси! Говорю, Аделя то перед глазами целый день в хлопотах - и дети у нее, и хозяйство.- И уколы делает.
- Тоже дело.
- Сплетница она!
- А это, милый мой, ее дело, не было бы охотников послушать, и сплетни перевелись бы.
- А почему ты все это Наиле не скажешь?
- Сколько в колодец воды ни лей, в нем ее не прибавится.

В воскресенье утром, только вышел из дому - иду к дяде Кямилу, смотрю, и Рашид туда же направился. Хотел было вернуться, но потом подумал, может быть, он ненадолго, уйдет, а мы останемся. Сидим, на балконе, дядя Кямил и Рашид разговаривают, я слушаю. Рашид говорит:

- А где хозяйка?
- Нет ее.

Рашид посмотрел, как дядя Кямил прикурил новую сигарету от окурка, и посоветовал ему бросить курение. Не сразу, а постепенно - первые дни по полпачки, потом несколько дней по четверти, а дальше - каждый следующий день курить на одну сигарету меньше, очень просто. Когда он сам бросал, первые дни самые трудные были, так и тянуло закурить, но усилием воли, он себя удерживал. Уже два года не курит, и сам себя гораздо лучше чувствовать стал, и детям польза из-за отсутствия в квартире дыма, вот одна неприятность только - с тех пор как бросил курить, ноги у него начали сильно потеть, а раньше этого не наблюдалось.

Дядя Кямил, как услышал про это, начал смеяться, я, глядя на него, тоже засмеялся.

- Извините, - сказал дядя Кямил, голос у него сразу серьезный, как будто не он только что смеялся. - Не знаю, с чего это мне так смешно стало... Так вы начните курить, может быть, перестанут они потеть.

- Нет уж, - сказал Рашид. - Пусть уж лучше ноги потеют, чем сердце раньше времени барахлить начнет.

- Тоже верно, - сказал дядя Кямил, пошел в комнату и вернулся оттуда с машинкой. - Вы посидите, а я постучу немного.

- Работайте, работайте, - сказал Рашид. - Я ведь на минутку. Пойду.

Я сказал, что тоже уйду. Дядя Кямил кивнул головой:

- Приходи вечером, телевизор посмотрим. Аделя была у нас. Со своей приятельницей. Когда я вошел, они замолчали. Потом Аделя у меня спрашивает:

- Ты знал, что Наиля от Кямила ушла?

- Как ушла?

- Вот так, бросила его и уехала. Ты разве не знал? Я повернулся и пошел.

- Ты куда? - бабушка мне вслед кричит.

- По делу, - говорю. Я разве знаю куда, совсем растерялся, иду себе куда глаза глядят, смотрю, я уже к станции электрички вышел. А я сюда и не собирался идти... Очень мне было грустно в тот день, когда я узнал, что Наиля уехала.

Самое удивительное, что все в один голос в уходе Наии обвиняли дядю Кямила. Аделя так и сказала:

- Я бы на ее месте давно бы сбежала! Я, например, интеллигентный человек, лечащий врач, и характер у меня хороший, но когда у себя дома слышу, как он стучит на этой проклятой машинке, меня трясоти начинается через полтора часа, я представляю, что она вынесла! И с самого начала, как увидела ее, сказала, помнишь, Рашид, эта девушка ему не пара, не для него она.

- Не надо так, Аделя, не надо, - укоризненно сказал Рашид. - Что было, то прошло. Я сейчас о нем думаю, что с ним будет. Неудачник он и лентяй, работать не хочет. Вот в чем причина всего. Надо, чтобы ему объяснил кто-нибудь, что на машинке стучать - это не для него занятие. Делом надо заняться, делом.

Они все у меня выспрашивали, из-за чего Наиля ушла, оба сразу начали меня уговаривать - расскажи да расскажи, ты все вечера у них пропадаешь.

Они спрашивают, а я вижу, что оба они рады, что Наиля ушла от дяди Кямила. Они ни слова об атом не говорили, но я чувствовал, как они его не любят. Что он им сделал?

Спасибо бабушке, она попросила их оставить меня в покое. Так бы я им все и рассказал бы! Выложил бы сразу все, что знаю!

А ведь я ничего и не знаю. Почему она уехала? Не знаю. Они при мне ни разу не ругались, да и без меня тоже - по-моему, у нас слышно было бы! Вон когда Сеймур со своей женой ругается, крики на берегу слышны, если только ветер с моря не дует. Грустные они оба ходили в последние дни, что правда, то правда, но ведь из-за этого так вот, вдруг, от мужа не уходят. Васиф сказал, что, наверное, Наиля ушла к другому. Я ему говорю, как же так, ведь она дядю Кямила любит, не может этого быть.

- Как пить дать, вот я на пляже видел одну, тоже красивая, весь июль по субботам с одним парнем приезжала в красном "Москвиче", а в августе, смотрю, с другим приехала - в серых "Жигулях". Как совсем стемнело, отъехали они за скалы, подобрался - заглянул, все то же самое! Им доверять нельзя!

Я все-таки говорю ему - не станет Наиля с другими по пляжу ездить, а сам вдруг ужасно испугался, вдруг Васиф прав. До того мне тоскливо стало, просто слов никаких нет сказать.

Не может быть! Просто не может так быть, чтобы все так кончилось. Они же любили друг друга, это-то я точно знаю. Что же получается? Если люди сперва любят, а потом расходятся сразу же и навсегда, то все, что я читал про любовь, просто выдумки. Значит, и любить никого не стоит. Люди на смерть идут, когда любят... А дядя Кямил и Наиля любили друг друга. Мне всегда казалось, что я все могу понять, но сейчас я просто не знаю, почему все так происходит. Васиф говорит мне - ты чего вдруг вспомнил, лицо у тебя такое, как будто ты вспомнил неприятное что-то. Я говорю, вспомнил, что мне домой пора, - и ушел, только не домой, а просто пошел и походил немного, бабушка дома одна, с ней тоже поговорить надо, скучно ей.

На обратном пути я остановился возле мельницы, постоял, посмотрел на нее и пошел, дальше, - стоит себе, машет крыльями - воду качает из колодца.

Скрипит от старости. Давно пора снести а поставить вместо нее электрический насос. В селении многие так и сделали. В прошлом году мне и в голову не пришло бы остановиться возле нее. Ничего особенного. Таких здесь штук десять осталось. Наиля, как только ее увидела в первый раз, мы вдвоем возвращались вечером из селения, остановилась как вкопанная, какая прелесть, говорит, давай зайдём внутрь. Зашли, внутри все скрипит, ходуном ходит, вот-вот развалится. Когда мы вошли, несколько летучих мышей сорвалось с места к стало метаться с перепугу, она и про них, какая прелесть, я ей говорю, они же в волосы могут вцепиться намертво, и человеку придется стричься. Всем известно. Мне-то что, у меня стрижка совсем короткая, а вот у нее волосы густые и длинные, летучие мыши только и мечтают о таких. Еле-еле уговорил ее уйти, но все равно каждый раз Наиля перед этой мельницей останавливалась. И что она в чей нашла?! А волосы у нее пахли какими-то духами, нежными-нежными, мне каждый раз становилось немножко грустно от этого запаха.

Бабушка к дяде Кямилу стала гораздо лучше относиться, вот что мне приятно. Она мне ничего не говорила - я сам догадался по ее сварливому голосу.

- Иди, - она мне говорит этим голосом, - позови своего друга, чего он один там сидит.

- А он меня не послушается, - это я нарочно так ей отвечаю.

- А ты от моего имени пригласи, - тут она уже забывала про сварливый голос, говорила нормальным. - Скажи, бабушка приглашает ужинать. Он человек воспитанный, поблагодарит и придет.

Она-то его часто приглашала, но пришел он к нам всего раз или два.

Дядя Кямил ест, а она смотрит на него и вздыхает украдкой. После его ухода она мне говорит:

- Нет худа без добра. Погорюет и забудет. Не пара она ему. С его характером ему другая нужна- домовитая и степенная.

- Как Аделя?

- А что Аделя?

- Ничего. Знаю, что она тебе нравится.

- Аделя, знаешь, за кого Зарифа замуж вышла?

- Откуда же мне знать.

- Утром она приезжала с мужем. Смотрю, сперва к Рашиду зашли, я думаю, ничего себе, быстро же старое забывается, а потом все я узнала, оказывается, она за дальнего родственника Рашида вышла. Он из того же села, что Рашид, в Баку приехал. Он теперь у нее живет, квартира от Шахлар-бека большая осталась... Зарифа радуется, жалеет только, что детей нет. Похудела очень.

- А как они нашли друг друга?

- Вот не знаю, - сказала бабушка. - Не спросила. Познакомил их кто-нибудь, наверное, Аделя или Рашид. Не на улице ведь встретились... Господи, - сказала бабушка, как будто вспомнила что-то, - дожить бы мне до того дня, когда ты женишься. Нет. Не доживу. Посмотрела бы, на ком ты женишься.

Сказала она это, а я стал думать, на ком бы я хотел жениться. Честно говоря, мне в жизни многие женщины нравились, может быть, даже чересчур часто, почти ни одного раза не было, чтобы я в кино ходил бы или в театр, и мне кто-нибудь из артисток не понравился бы. Но это раньше было. Я сейчас, как подумал о женитьбе, сразу же Наилю представил. Захотелось, чтобы она была точно такой, как Наиля, - такой же высокой и красивой, чтобы она так же хорошо умела танцевать и чтобы от нее пахло такими же духами... И чем больше я об этом думал, тем яснее представлял себя, когда стану взрослым, почему-то похожим на дядю Кямила. Вроде бы это я, а получалось, что все-таки на самом деле дядя Кямил - потому что и лицо, и рост, и даже одежда были его. И вдобавок ко всему он слушал, что ему говорит Наиля, и одновременно с этим стучал на машинке. Как же это так получается? И спросить не у кого. Наверное, даже у дяди Кямила нельзя. Хоть мы с ним в последние дни почти каждый вечер ходим гулять.

Идем себе, разговариваем о разных вещах или просто молчим - тоже приятно. Он мне сказал о том, что Рашид предлагал ему продать дачу. Я думаю, только мне этого не хватает, чтобы и он уехал.

- Знаешь, сколько он предложил? - улыбаясь, сказал дядя Кямил. - И не старайся, все равно не угадаешь.

Я чуть не сел, когда услышал, сколько Рашид ему денег предложил.

- Откуда у него столько?

- Наверное, накопил лет за семьдесят-восемьдесят, - усмехнулся дядя Кямил. - Он же почти ничего не тратит, только на семью, машину и дачу, остаток зарплаты ежемесячно копил, вот и скопил наконец. А зарплата у него знаешь какая? Сто шестьдесят рублей... Жалко, конечно, упускать такой случай, но я отказался. Может быть, со временем еще накопит немного. Как ты думаешь?

- Разве можно одному человеку иметь две дачи? - спросил я.

- Умеючи все можно. Он мне сказал, что вторую купит на имя своей сестры. Ты, мой милый, не беспокойся, они законы лучше любого юриста знают. И поэтому лучше нас от них защищены. Скажу тебе честно, я этому Рашиду в душе благодарен - я ведь хотел уехать из Баку, совсем уехать, была у меня такая мысль. И уехал бы, если бы не Рашид. Вот когда он предложил мне для моей пользы купить у меня дачу, мне вдруг показалось, что, если я соглашусь, Рашид так и скупит все/вокруг - дачи, улицы, людей... Ну я сказал ему кое-что по этому поводу. Надолго запомнит. Он не обиделся. Не нервничай, говорит, я тебя прошу. Бог с ней, с дачей, лишь бы все здоровы были. Понял? Железный человек. Не то что мы с тобой!

Но вообще в последнее время он редко шутил.

С тех пор как она уехала, дядя Кямил здорово изменился. Неразговорчивый стал и угрюмый. И похудел очень. Он и раньше много работал, а теперь так совсем от машинки не отрывается. Как приедет из города, спустя минут десять слышно уже, - как она стрекочет. Пойдешь к нему, а он кивнет, поднимет голову - "здравствуй, садись, я сейчас кончу" - и продолжает. Когда дядя Кямил печатает, он что-то шепчет, сколько ни прислушивайся, ничего не услышишь, видно только, как губы шевелятся, он, наверное, диктует себе так, а лицо у него при этом все время меняется, то озабоченным становится, то хитрым-хитрым, а однажды я услышал, как он ни с того ни с сего вдруг рассмеялся, посторонний подумал бы, что он ненормальный-, сам с собой разговаривает и смеется. Только сейчас он не смеялся, сидел с угрюмым лицом и печатал, попечатает немного, остановится, подумает о чем-то и снова. Он так до утра может. Я к Наиле хорошо относился всегда, да что там относился, из всех женщин, которые мне встречались в жизни, она мне больше всех, может быть, нравилась, но, глядя на дядю Кямила, я почувствовал, что отношусь к ней уже не как прежде, гораздо хуже. Она что, не понимает, что он из-за нее так мучается?!

- Дядя Кямил, а может быть, вам надо съездить за ней? Я спросил, и мне показалось, что и он как раз об этом же одновременно со мной подумал, потому что ответил сразу, даже секунды не подумал:

- А почему это я должен за ней ехать? Разве я виноват перед ней в чем-то?! Никуда я не поеду! - Он сердито это сказал, потом остановился и посмотрел на меня с удивлением, видно, не ожидал, что я могу спросить такое. И снова стал печатать.

Я в это время телевизор смотрел, вдруг слышу, тихо стало, машинка перестала стучать, я повернулся, а он мне говорит:

- Я тебя прошу, ты больше со мной о ней не говори. Ладно?

И вдруг внизу как заплещется что-то. Даже сюда, на скалу, брызги долетали.

Еще одного он тащит?! Что же это происходит? Тащит. Даже больше первого. Васиф на этот раз даже не тронулся с места, сидел неподвижно и смотрел, как рядом с ним поднимается второй осетр. Я встал и помог засунуть его в ведро. Теперь из ведра высывались два хвоста, и не то что просто высывались, а размахивали так, как будто хотят вместе с ним улететь. Если бы мы их не держали изо всех сил, то из ведра осетры, конечно, выскочили бы. Потом этот рыболов в матроске попросил меня подержать и второй хвост, пожалуйста, сказал, а сам взялся их укрывать парусиной. Мы взвалили на нее еще несколько обломков скалы, каждый килограмма два-три, не меньше, только тогда осетры затихли. А Васиф все молчал. Честно говоря, и я помалкивал, растерялся, наверное, да и любой другой человек на моем месте растерялся бы - за каких-нибудь полчаса поймать удочкой двух осетров. Кому хочешь в Гаялах расскажи, смеяться будут. Сел я на свое место, забросил удочку, может, думаю, на этот раз повезет, может, какому-нибудь хоть самому захудалому осетришке моя удочка приглянется. Всякое бывает. А этот в матроске спясть ко мне - можно? Это он насчет червяка. Самое интересное, что теперь, после того как он пересел, баночка Васифа с ним рядом стоит, а он все-таки из моей червя хочет. Может быть, этот тоже в приметы верит. Подошел, выбрал червяка, сперва спасибо сказал, потом поплевал на червяка, наживил. Может быть, у него слюна какая-нибудь особая, которая осетрам нравится?! Я Васифу говорю:

- Ну теперь наша очередь. Начинай ты первый. - А он на мои слова никакого внимания, отложил удочку, встал и подошел к этому в матроске, встал за его спиной и говорит:

- А ну вставай! - Тот посмотрел на Васифа, потом на меня, а я смотрю, не понимаю, чего от него Васиф хочет.

- Зачем?

- Вставай, говорю.

Тот по голосу Васифа понял, что лучше не спорить. Отложив удочку, встал.

- Ну встал.

- Вот что, - сказал Васиф, - ты пока прекрати ловить, посиди здесь немного, потом видно будет. Понял?

- Не хочу просто так сидеть. Буду ловить.

- Только попробуй! Ну!

- Слушай, - сказал этот рыболов в матроске. - Это же неправильно. Я не понимаю, чего ты хочешь. Я поймал двух осетров? Поймал. Ты мне не мешай, я сейчас еще одного поймаю и тогда, пожалуйста, перестану... Каждому по одному. Чего ты?

Я почему-то поверил, что он может еще одного осетра поймать. И тут он на меня посмотрел, мол, правильно я говорю? Правильно, конечно. И толковать тут не о чем.

-Ты что, не понимаешь, - закричал Васиф, - что тут стая осетров под скалами сейчас проходит. Такое, может быть, раз в жизни бывает. Если бы не этот тип, то мы бы их поймали! А он еще дурака из себя строит, - орет как сумасшедший. - Отойди отсюда!

- Никуда я не отойду! Буду ловить. - И тут они сцепились. После того как Васиф на него бросился. Я подумал, Васиф ему запросто надает, но вышло по-другому, он, оказывается, и дерется вполне прилично. Они у самого края дрались, я испугался, что они свалятся, а море здесь под скалами такое, что в него даже добровольно лучше не соваться, а если туда еще упасть с такой высоты, да еще вниз головой... Я как подумал об этом, вскочил и побежал к ним. И тут он испугался, взгляд у него был ужасно перепуганный, когда он увидел, что я бегу к ним. Решил, наверное, что и я на него наброшусь. Побежал он от нас со страшной скоростью, на ходу обернулся, здорово он напугался, лицо его у меня уже времени не было разглядывать, ко мне показалось, что оно не только перепуганное, по и удивленное немного, как будто спросить что-то хочет, видно, он все-таки удивился, что я тоже решил на него напасть. Я еле успел Васифа схватить за воротник, когда он бросился его догонять.

- Ты чего, - говорю, - с ума сошел? Ты чего от человека хочешь? Ты же не прав! - Говорю, а сам чувствую, что бесполезно с ним разговаривать, видно, совсем из-за этих осетров обалдел.

- Гад он, - сказал Васиф, - он же наших осетров поймал. Мы столько старались, а он пришел и поймал. - Васиф говорит, а мне слушать противно. Очень все нехорошо получилось.

- Ты за мной не иди. Я позову его обратно. И не лезь к нему больше. Я тебя очень прошу! - Добежал я до конца нашей площадки, обогнул скалу, а его не видно. В двух шагах ничего не видно. Как будто засунули тебя в стакан из матового стекла. Да тут что-нибудь увидишь в таком тумане?! И в какую сторону он побежал, не знаю. Может быть, я совсем в другую сторону бегу! Бегу и кричу изо всех сил, дурак дураком - мальчик! Мальчик! Имени же мы его не спросили. До того забегался и докричался до того, что в горле пересохло. По-всякому кричал: и "мальчик", и "матроска", и все ни к чему. А на обратном пути еще поскользнулся и коленом стукнулся, так что чуть не взвыл от боли. Зря Васиф на него набросился, стая, как же! С трудом я добрал до площадки, до того устал, что в боку закололо. Смотрю, Васиф у ведра стоит, снял парусину, осетрами любитесь.

- Не догнал, - говорю ему. - Нехорошо получилось все-таки.

- Да ну его к черту! Нашел о чем думать. Осетры-то нам остались!

Тут как я наподдал ногой по этому ведру, сам не знаю, как это получилось, оно со всеми осетрами, вместе с парусиной полетело в море. Васиф посмотрел ему вслед, а потом на меня бросился...

Ничего себе, половили рыбку. У Васифа нос разбит, у меня губа в крови, рубашка разорвана до пупка, и еще колено ноет. Умылись, стали вещи собирать.

Васиф две рыбешки подобрал - леща и бычка, тех, что мы до его прихода поймали, Васиф их отложил в сторону, когда осетрами любовался, вот они и уцелели. Васиф повертел их в руках, потом подвесил их на кукан. Вздыхнул.

- Ирония судьбы, - говорит. У меня на него злость прошла, еще когда мы умывались, а тут жалко стало. Почти до самой нашей калитки молчали.

- Эти осетры рублей по пятнадцати пошли бы, не меньше, - сказал Васиф, мы бы сегодня же лодку купили;

- Купим в следующем году, - сказал я и вошел в калитку. - Купим. Не беспокойся. Ну пока.

Аделя была у нас. Помогала бабушке делать долму из виноградных листьев. Как только меня увидели, обе обрадовались, сразу же сунули мне в руки миску и послали за рисом. И еще сказали, чтобы я напомнил Рашиду, что он обедает у нас, и не опаздывал.

Я поднялся на их балкон - смотрю, Рашид стоит и разговаривает со своим знакомым, у которого голубые "Жигули". Я поздоровался, а они на меня даже не глянули; Этот знакомый говорит:

- Слушай, у меня же дети, семья.

- Ты бы о них вспомнил, когда за моей спиной все это начинал. Кого хотел обмануть? Ну что, пошло тебе впрок? А я тебе доверял. Всегда доверял. Честным надо быть.

- Рашид, о чем ты говоришь? Я же пропадаю, ты что, не понимаешь? - Я на него посмотрел, смотрю, стоит человек, а с него пот градом катится, хотя день сегодня выдался нежаркий, даже: прохладный, а он до того потный, что даже рубаха наг сквозь промокла. - Я все бросил, приехал к тебе, помоги мне;

- Пусть тебе бог поможет, - сказал Рашид. - Я твоей гибели не хочу. Но помочь ничем не могу. Я из-за тебя рисковать не хочу. У меня тоже дети.

Тот посмотрел на Рашида, потом облизнул свои потные губы, я подумал, что он опять примется уговаривать, а он только одно слово сказал:

- Ладно, - и повернулся, чтобы уйти.

- Иди, - сказал Рашид. - И с этой минуты забудь, как меня зовут. Ты меня понял?

- Я-то забуду, - сказал тот, - я-то забуду, - чувствовалось, что ему хочется еще что-то сказать но он никак не может решиться. Но все-таки сказал: - Другие не забудут.

И тут Рашид пошел на него. Идет, а тот отступает. Мне вдруг показалось, что это не Рашид, а какой-то другой, незнакомый человек. Гораздо выше ростом и тяжелее, и лицо другое, как будто с деревянной кожей, с бровями, обмазанными черной ваксой.

- Меня Аделя за рисом послала, - они оба вздрогнули, когда мой голос услышали. Рашид сразу остановился, а тот отошел еще шага на два.

- Рис? - спросил Рашид. - Рис на кухне. Посмотри там в белом шкафу.

Я набрал полную миску и пошел домой, а они оба смотрели мне вслед.

- Бабушке кланяйся от меня, - сказал Рашид.

Из наших дверей я увидел, как знакомый Рашида вышел от них, сел в свою машину и уехал. Мне было интересно, уговорил он Рашида помочь ему или нет. Хотя я и не знал, о чем он его просил, но все равно было интересно.

Вернулся, отдал рис, Аделя рассказывает, а я сижу слушаю, делать-то до обеда все равно нечего, о том, как Рашид заподозрил, что у него начался диабет. Он вообще на больного не похож, здоровый очень, зарядку по утрам делает с гантелями, но все время с какими-то лекарствами возится - витамины принимает, таблетки, которые нервы успокаивают. А чего ему их успокаивать, я ни разу еще не видел, чтобы он сердился или волновался, разве только вот кроме этого разговора с приятелем, но это же один раз всего.

Оказывается, Рашид очень переживал из-за того, что у него может быть диабет, Аделя объяснила нам, что эта болезнь мало того что тяжелая, она еще неизлечимая, и решил все проверить -окончательно. Сперва кровь в поликлинику сдал на анализ, а потом повез с собой утром в город и мочу в бутылочке - тоже на анализ. Рашид в этот день, сказала Аделя, с утра сильно нервничал из-за того, что его вызвали к начальнику в министерство, это в другом здании, и он заехал туда по дороге к себе на работу. Рашид беспокоился, когда ехал, потому что у начальника этого характер крутой и строгий, хотя, по словам Адели, Рашиду беспокоиться нечего по причине его хороших знаний и безупречной работы. В кабинете у начальника выяснилось, что беспокоиться и впрямь не из-за чего, - мало того, что он, говоря о делах, был очень приветлив, так еще, когда Рашид уходил, намекнул ему, что подумывает о его повышении. Рашид на работу приехал в связи с этим в хорошем, можно сказать, прекрасном настроении. И оно у него продержалось до самого обеденного перерыва, когда надо было идти в поликлинику делать анализы. Тут Рашид вспомнил, что оставил бутылку на столе у своего начальника. Домой он приехал в очень плохом состоянии, и Аделе пришлось ему срочно сделать укол. Она его все успокаивала, но ничего из этого не вышло.

Рашид сказал что, по всей видимости, ему лучше уйти на другую работу, потому что этот начальник со строгим и коварным характером совершенно точно сейчас думает, что Рашид придумал очень хороший способ его безнаказанно унизить и оскорбить. Рашид всю субботу и воскресенье советовался с Аделей, как ему поступить - подождать, пока ему бутылку вернут официально, или попросить ее назад самому. Он думал об этом и в понедельник на

работе, пока не позвонила секретарша начальника и не попросила, чтобы Рашид приехал за бутылкой. Она и по телефону, и когда он приехал за бутылкой, разговаривала с ним вполне приветливо. Но Рашид все думает о последствиях и при этом, по его словам, чувствует, как при этом увеличивается сахар. Он сказал, что дело не в том случае с бутылкой. Просто он всегда боится и беспокоится, что из-за мелкой неприятности может получиться крупная. Анализ он все-таки сделал - выяснилось, что никакого диабета у него нет.

Стол мы накрыли на веранде. Сегодня на обед были самые любимые мною кушанья - долма и разные кутабы, с мясом, зеленью и тыквой. Наконец и Рашид появился, принес с собой сетку, полную бутылок с боржомом. Он говорит, что боржом очень полезная вода, потому что в ней содержатся самые нужные для организма вещества.

Сына он взял у Адели, посадил себе на колени - гусенок мой, говорит, зайчик. Он его очень любит, каждое утро, прежде чем уехать на работу, подходит к его кровати и здоровается - доброе утро, дорогой товарищ начальник, и очень осторожно, чтобы не разбудить, целует.

Аделя попыталась отнять у него, ребенка, чтобы он не мешал есть, Рашид не дал - мне, говорит, приятно так обедать, когда сын у меня на коленях, и, кроме того, я хочу, чтобы ты отдохнула от всех своих хлопот, и пожелал всем приятного аппетита.

Сынишка спокойно сидел, всем улыбался, сытый, его Аделя уже накормила, очень славный мальчуган, веселый-веселый, я ни разу не слышал, чтобы он плакал или капризничал, потом ему надоело все-таки сидеть и смотреть, как мы все едим, и он встал на ножки, но Рашид посадил его обратно, дай, говорит, папе поесть, ему на тебя работать надо, тогда он полез к Рашиду в нагрудный карман, Рашид засмеялся, подмигнул мне, деньги ему, говорит, понадобятся-бери сколько хочешь, из отцовского кармана можно, мне для тебя ничего не жалко. Мальчик вынул оттуда какую-то бумажку, в руках вертит, а Рашид никакого внимания на это не обращает, он как раз в это время занят был - поливал долму мацони. Аделя бумажку отобрала и положила рядом с собой на стол, потом глянула на нее, а там какой-то номер был записан телефонный, просто номер, без всяких имен, и задумалась. Рашид спрашивает, ты о чем это думаешь, смотри, аппетит пропадет. Аделя встала с места, с бумажкой этой в руке подошла к подоконнику, а там ее сумка лежит. Она эту сумку повсюду с собой таскает, и на пляж, и в магазин, и в кино, все время она у нее на глазах, ни разу еще дома ее не оставила, она в нее свои кольца складывает, браслеты, а может быть, еще что-нибудь, тоже ценное. Подошла к подоконнику, вынула из сумки записную книжку, что-то нашла там, еще минуту постояла там, а потом повернулась к нам, а лицо у нее побелело и трясется, и говорит Рашиду, я даже голос не узнал, до того он сразу стал хриплым и грубым, как у мужчины:

- Свинья! Грязная вонючая свинья! Ты опять за старое принялся?

Рашид сразу проглотил все, что у него во рту было, чуть не подавился.

-Что случилось? Что с тобой?!

И тут такое началось! Я никогда еще до этого не слышал, чтобы женщина такими словами ругалась, я, конечно, все эти слова знаю, но, оказывается, когда женщина их говорит, они совсем другими становятся, в тысячу раз ругательнее становятся. А она ведь не просто говорила, а орала так своим новым хриплым мужским голосом, что, наверное, на берегу было слышно. А потом и орать перестала, начала выть, даже жутко стало. Стоим мы с бабушкой и смотрим и не знаем, что делать. Рашид попробовал к ней подойти, да не тут-то было, она ему чуть глаза не выцарапала, случайно промахнулась, только на щеках две красные полосы остались. Дети плачут, мы с бабушкой стоим и не знаем, что делать. Сперва я ничего понять не мог, а потом все стало ясно. Оказывается, на бумажке был записан номер телефона Наили, Аделя проверила по своей книжке, Наили ей сама туда свой номер записала, и поняла, что это за номер на бумажке у Рашида. А потом она стала ему угрожать, стоит перед ним, трясется всем телом от злости и кричит.

- Я тебе, - говорит, - объясню кто я такая! Посмотришь, - что я с тобой сделаю, - забыл, что все на мое имя, и дача эта, и машина, и сберкнижка! Забыл? Нинего, напому! Я тебе все объясню где полагается... - Орала она так, а потом, видно, силы у нее кончились, села на тахту и заплакала, обхватила голову руками, раскачивается и плачет. Тут Рашид и подступился к ней со стаканом воды.

- Успокойся, - говорит, - воды выпей. А она его отталкивает:

- Ты сам успокойся, подлец... Иди, иди, если не нравится, подай еще раз на развод! Постоишь на коленях, как тогда, но уж в этот раз я не прощу, не надейся. Сполна получишь.

- Как тебе не стыдно, - Рашид ей сказал, как только она замолчала. Тихо, ласково, как будто терпеливо объясняет непонятное что-то. - Как ты могла обо мне так подумать? Я для чего хотел позвонить? Чтобы помирить их, мне же не хотелось, чтобы у них семья разрушилась. Я хотел позвонить, а потом раздумал, думаю, полезут людям в голову всякие мысли нехорошие, и не стал звонить. Если тебе, самому родному человеку, так показалось, то что с других спрашивать. Я не позвонил - клянусь тебе здоровьем всех наших детей, пусть они на моих глазах все по очереди умрут, если я позвонил... Не веришь? Ты же меня знаешь.

- Я тебя хорошо знаю, - сказала Аделя, но плакать уже стала тише. - Эту сказку ты им расскажи, может быть, поверят.

- Успокойся, - сказал Рашид, он был очень расстроен. - Я тебя прошу, посмотри, до какого состояния ты себя довела... Дети плачут.

- А почему ты мне не сказал, что хочешь позвонить к ней?

- Потому что ты мнительная, потому что ты каждый раз сумасшедшей, становишься от ревности... Ладно, ошибся, теперь понимаю, что надо было с тобой посоветоваться, а еще лучше - надо было нам вместе позвонить. Ну, я тебя прошу, успокойся. - Он хоть ласково с ней говорил, но мне показалось, что ненавидит он ее страшной ненавистью... А может, показалось.

И они ушли. Впереди Аделя идет с Рашидом, он одной рукой сына к себе прижимает, другой Аделю за плечи придерживает, а сзади дочки идут. Мы сидим с бабушкой за столом, друг на друга смотрим - пообедали, называется!

Мы молча убрали стол, а потом я спросил у бабушки:

- Ты знала, что Рашид у дяди Кямила хотел дачу купить на имя своей сестры? - А она как будто и не слышит меня, сама сидит напротив, а мысли ее где-то далеко, по глазам видно.
- О чем ты думаешь? Бабушка!

- Шахлар-бека вдруг вспомнила. Мир его праху,- сказала бабушка. Вспомнила, как сидел покойный на балконе и сердился, когда Зарифа у него выигрывала.

- Он, наверное, и нашу хочет купить, - сказал я, - раз с дядей Кямилом не получилось.

- Может, и хочет, - сказала бабушка. - И купит через год-два, кому она будет нужна, если родители твои, как дикие козы, каждое лето по горам и холмам разбредаются.

- Родители! А мы с тобой? Нам же нужна она.

- Ты на следующее лето с ними отправишься. Верно? А мне через год-два... Я и так обойдусь.

- Нет, - сказал я.- Ты будешь здесь жить, а як тебе

буду приезжать. Ладно?

- Ладно, - сказала бабушка и погладила мне голову. - Ладно, - она улыбнулась, - а Рашиду, если он придет ко мне, скажу, что мы ничего не продаем и никогда не продавали. А ты лучше иди принеси мне воды... Маленький ты еще о таких вещах думать.

Это я маленький? Может быть, и маленький, но хотя бы не суеверный.

- Бабушка, а ты точно знаешь, что человек умрет, если к нему сова повадилась по ночам?

- То, что умрет, - не обязательно. Я же говорила тебе - или умрет, или стрясется с ним что-то нехорошее.

- И никаких исключений не бывает?

- Не бывает. - Бабушка внимательно посмотрела на меня, потом подошла и села рядом. - Да ты не беспокойся, мой хороший, ничего с тобой не случится, пока я здесь с тобой. Прилетела сова или нет - к тебе не относится. Понял? Погладила меня по голове.

Вот, договорились. Значит, мало того, что она думает, что я поверил в примету с совой, так она еще думает, что я за себя боюсь! Очень интересно получается. А себя она, кажется, считает каким-то громоотводом возле меня, которому достанется все плохое, что мне причитается? Грех это или кет, но, как только дядя Кямил приедет, я его попрошу сову застрелить. А вообще странно, что его нет. Обычно он минут через сорок, в крайнем случае через час после приезда Рашида появляется.

Я почитал немного телевизор посмотрел, к этому времени совсем уже стемнело, а его все нет и нет. Я вышел на балкон, сел там, жду.

Дождь пошел. Сперва обычный шел, а потом как хлынуло, давно такого ливня не было - сегодня все одно к одному - утром туман, вечером ливень. Бабушка тоже вышла на балкон, говорит, не вовремя этот ливень - инжир плохой уродится. Даже не знаю, примета это или нет? С одной стороны, - примета, если бабушка говорит, а с другой, - вполне можно как прогноз. Поглядим дней через десять, какой инжир уродится. А дяди Кямила все нет, так поздно он еще и не приезжал. Молнии одна за другой. Так и кажется, что кто-то наверху время от времени втыкает в розетку ножницы. Я однажды сдуру проделал такой фокус - сперва искры, потом запахло так же, как сейчас, озоном, сперва бабушка меня ругала, потом мама, когда с работы вернулась, словом, все было, кроме света. Может быть, с ним случилось что-нибудь? В такую грозу всякое может быть! Я видел в прошлом году коричневое стекло в песке - от ударившей молнии след! А если такая в человека угодит?

Это легче всего потом сказать, что из-за совы. А ведь и впрямь, кажется; что-то с ним случилось - нет же его до сих пор.

Бабушка опять вышла.

- Ты чего здесь сидишь? В темноте? Надень что-нибудь, ты же совсем, от холода съежился.

- С дядей Кямилом что-то случилось?

- С чего это ты взял?

- Ну как... До сих пор его нет.

- Не придумывай... Ничего с ним не случилось, вон он идет, твой дядя. Кямил,

До чего я обрадовался! Чему, спрашивается? Взрослый человек вернулся из города к себе на, дачу, идет как ни в чем не бывало под дождем и даже не торопится, через лозы перешагивает, а я вижу к радуюсь! Хорошо, хоть никто не знает об этом.

- Ты куда?

- Я на минутку, я одну вещь спрошу только и вернусь.

- Никуда не пойдешь, пока не оденешься. Мне с тобой потом возиться неохота.

Совсем это рядом, но, пока добежал, промок со страшной силой. Только под навесом на балконе остановился. Пока через дачу бежал, все видно было при свете молний, они одна за другой вспыхивали, а здесь темно, в двух шагах ничего не видно. Дверь в комнату была открыта, но толку от этого было мало, внутри было еще темнее, чем на балконе, а в доме как будто никого и нет чернота сплошная, я встал на пороге и стою. Только и слышно, как ветер шумит и дождь по виноградным листьям, как по картону, стучит.

- Добрый вечер, - он подошел и включил свет, а потом снова сел в кресло. Как сидел в мокрой одежде в темноте, так и теперь сидит. Смотрит на меня и не улыбается, а лицо очень уставшее.

Я говорю с порога:

- Дядя Кямил, вы умрете? - спрашиваю и чувствую, какую глупость говорю, а остановиться не могу. До того глупый вопрос, что я просто обалдел, прежде чем последнее слово договорил. Он усмехнулся, говорят:

- Еще как!

Я думаю про себя - вот сейчас скажу "до свидания" и Гиду.

- А что, есть какие-нибудь сведения на этот счет? А чего говорить?

Я промолчал. Он встал, подошел ко мне, обнял за плечи и говорит:

- Ты совсем промок. Снимай куртку, а я чай поставлю.

Мы поговорили немного, он сказал, что поздно так приехал из-за того, что на службе задержался, дела запустил, а в понедельник месячный отчет сдавать, пока он говорил, я чувствовал, до чего ему эта служба противна.

Потом ни с того ни с сего говорит:

- Конечно, умру. А ты как думал? Только не скоро. Мне знаешь сколько еще сделать осталось? Если даже очень захочется - не помру, пока всего не сделаю.

Ясное дело, что он не о службе своей говорит. Тогда, значит, он до самой смерти так и собирается на машинке стучать день и ночь. Раньше он хоть вслух читал. Теперь и послушать некому...

- А зачем? Вы все пишете, а печатать никто не печатает.

Он мне чай наливал, когда я сказал ему это. У него над глазом жилка дрогнула, и он нахмурился. Поставил передо мной стакан, поглядел на меня и покачал головой.

-Ничего себе! - усмехнулся и налил второй стакан. - Ничего себе у меня приятель. - Обычно, как только десять, бабушка начинает меня домой кричать, а сейчас время-то без четверти одиннадцать, а ее не слышно.

- Потерпи. Меня будут печатать. Не знаю, когда начнут - завтра, через месяц или год, но будут. Вот увидишь, а до этого поверь мне на слово. Хоть ты поверь, я тебя очень прошу. - Он серьезно просил.

Я того рыболова вспомнил в матроске. Я ему тоже сразу, каждому его слову поверил, хоть видел его в первый раз, когда он сказал, что третьего осетра поймает.

- Я вам верю. Честное слово, дядя Кямил.

- Печатать-то будут, - сказал он задумчиво, как бы про себя, - только, оказывается, и это уже не самое главное. - Он спросил у меня: - А ты знаешь, что самое главное в жизни человека?

- Не знаю? Что?

- Даже не догадываешься?

- Ну... Нет, - подумав, сказал я.

- Плохо, - огорченно сказал он. - Два умных человека не знают ответа на очень простой вопрос. - Он подмигнул мне, и я понял, что он шутит.

Я ему все подробно рассказал про сегодняшнюю рыбную ловлю. Он ни одного вопроса не задал, пока я рассказывал, послушал внимательно.

- Ты его еще встретишь, - сказал он. - Такие люди, как этот мальчик в матроске, просто так не исчезают. Вы еще встретитесь. Ты ему все объяснишь, и он поймет. А переживать не надо. Получилось нехорошо, но ты в этом не виноват.

А я ему не говорил, что переживаю: Мы сидели и молчали. Ничего, кроме одного освещенного окна в нашем доме, вокруг не было видно. И ничего слышно не было, кроме шума дождя и рокота моря. До самого утра я бы просидел так - молча или разговаривая, все равно.

Дядя Кямил сидел задумавшись, и лицо у него опять стало уставшим. Я вдруг вспомнил, что собирался попросить его застрелить сову, и удивился.

Вдруг мне показалось при короткой вспышке, что в темноте что-то мелькнуло.

- Кто-то идет, кажется.

- Да нет, показалось тебе, - он встал и, облокотившись руками о барьер, стал всматриваться в темноту. - Нет никого.

- Все-таки идет сюда кто-то.

Мы увидели, что это Наиля. Она остановилась перед лестницей и так осталась там стоять. Она была вся мокрая, но почему-то не поднималась под навес. Я посмотрел на дядю Кямила, я не понимал, почему он молчит. Как будто не видит ее. Он молча сделал шаг к лестнице, и я за ним, так вместе с ним и спустился вниз. Мы подошли к ней, дядя Кямил так и не сказал ни слова, даже когда она спросила:

- Хочешь, я уйду?

Вот чудачки, не догадываются зайти в дом, стоят под проливным дождем и целуются в трех шагах от своего собственного пустого дома. Смешно.

Я пошел домой, хоть бабушка меня так и не позвала. Она сидела и вязала. Я ей сказал, что Наиля вернулась.

- Ну, что я тебе говорила? - сразу же обрадовалась бабушка. - Убедился? Верная примета.

Ну я просто никаких слов от неожиданности найти не смог, до того удивился.

- Бабушка, - говорю, - в чем же я убедился? Ты же говорила, обязательно плохое должно случиться, а тут к человеку жена вернулась. Чего же плохого?

- А чего хорошего? Вернулась. Ты думаешь, мало ему этого? С избытком хватит.

Стою и думаю - серьезно она говорит или шутит. Не стал с ней спорить. Я еще днем решил больше с ней не спорить - в конце концов, ничего хорошего не будет, если моя бабушка и вообще все люди обо всем, что происходит на свете, начнут думать одинаково.

В доме было тихо, бабушка тоже легла, только за стеной по-прежнему шелестел дождь. Мне очень хотелось что-то вспомнить, но, сколько я ни старался, не получалось. Во всем виноват был дождь - из-за него глаза сами собой закрываются.

- Бабушка, - из последних сил, вспомнив, сказал я, - что для человека самое главное в жизни?

- Главное? - переспросила бабушка и задумалась надолго - я решил, что она уснула. - По моему, - наконец сказала она, - в Гаялах это знает только один человек - Рашид. Утром у него спросишь, - посоветовала она, - а теперь спи и не задавай глупых вопросов. Покойной ночи. - Я не видел ее, но мне и не надо было, я точно чувствовал, что она улыбается, я-то ведь ее хорошо знаю.

Сова в эту ночь не прилетала.

